

маршбанич

ЛИЗА КАЕЙШАС

*Сведенные
судьбой*

Очарование (АСТ)

Лиза Клейпас

Сведенные судьбой

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Клейпас Л.

Сведенные судьбой / Л. Клейпас — «Издательство АСТ»,
2017 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-134322-4

В отличие от большинства лондонских дебютанток прекрасная леди Пандора Рейвенел категорически не находила удовольствия в вихре светских развлечений и тем более не имела намерений выходить замуж. Да и неисправимый холостяк Габриель, лорд Сент-Винсент, тоже не горел желанием жениться. Но случайное знакомство на балу невольно привело к грандиозному скандалу, выход из которого лишь один: они должны пожениться как можно скорее. Без особой радости Габриель и Пандора покоряются своей судьбе, но внезапно им приходится встретиться лицом к лицу со смертельной опасностью, которой они могут избежать лишь совместными усилиями. И «молодожены поневоле», сами того не замечая, с каждым днем становятся все ближе друг другу...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-134322-4

© Клейпас Л., 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	35
Глава 5	39
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лиза Клейпас

Сведенные судьбой

Lisa Kleypas
DEVIL IN SPRING

© Перевод. И.П. Родин, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Пролог

Эвангелина, герцогиня Кингстон, вынула из ванночки своего крошечного внука и аккуратно завернула в мягкое белое полотенце. В ее объятиях, пофыркивая, ребенок попытался встать на крепкие ножки, потом потрогал ее лицо и волосы влажными ручками, и Эви умиленно засмеялась.

– Спокойнее, Стивен. – Она вздрогнула, когда малыш вцепился в двойную нитку жемчугов на ее шее. – О, я понимаю, это нельзя было надевать во время твоего купания. Очень большой с-соблазн. – Эви всегда говорила с заиканием, хотя теперь это было почти незаметно, не то что в юности.

– Ваша светлость! – воскликнула молоденькая помощница няни Уна. – Я сама бы вынула господина Стивена из ванночки и подала вам. Он ведь плотный и тяжелый, словно кусок скалы.

– Ничего страшного, – успокоила ее Эви, целуя малыша в розовые щечки и пытаясь отобрать у него ожерелье.

– Ваша светлость, вы так добры, что помогаете мне, когда у няни выходной день. – С величайшей осторожностью служанка забрала у нее мальчугана. – А ведь у вас много своих важных дел.

– Нет и-ничего важнее, чем мои внуки. И мне нравится проводить время в детской. Это напоминает мне годы, когда мои дети были маленькими.

Уна тихо засмеялась, потому что Стивен добрался до ее кружевного чепца.

– Я сейчас припудрю его присыпкой и одену.

– А я пока соберу банные принадлежности.

– Ваша светлость, вам нельзя этим заниматься! – Помощница явно пыталась соблюсти баланс между категорическим отказом и нижайшей просьбой. – В таком чудесном шелковом платье вам надлежит сидеть в гостиной и читать книгу или заниматься рукоделием. – Когда Эви открыла рот, чтобы возразить, Уна многозначительно добавила: – Няня оторвет мне голову, когда узнает, что я позволила вам купать младенца.

Шах и мат!

Понимая, что няня оторвет головы им обоим, Эви покорно кивнула.

– На мне ведь фартук, – только и сказала она.

С довольной улыбкой служанка вышла из ванной со Стивеном на руках, чтобы отнести его в детскую.

Все так же стоя коленями на коврик перед ванночкой Эви протянула руку за спину, чтобы распустить завязки фланелевого фартука, и с иронией подумала, что не так-то просто соответствовать представлениям слуг о том, как должна себя вести герцогиня. Они упорно оберегали ее от всего, что требовало усилий бóльших, чем помешивание чая серебряной ложечкой. У нее уже было двое внуков, но она оставалась стройной и находилась в хорошей форме – могла легко вынуть из ванночки увертливого малыша или побегать наперегонки с детьми по саду. На прошлой неделе она перебралась через каменную ограду, чтобы отыскать улетевшие игрушечные стрелы, и поймала неодобрительный взгляд садовника.

Когда Эви нащупала упрямый узел, до нее донесся звук шагов. И хотя не раздалось никаких других звуков и никто не появился в поле зрения, она узнала эту легкую поступь. Сильные руки отвели ее пальцы и развязали узел одним проворным движением.

Низкое, словно шелковистое, ворчание коснулось чувствительной кожи на затылке.

– Я смотрю, у нас объявилась новая няня. Какая прелесть! – Опытные мужские руки скользнули под свободно повисший фартук, коротким ласкающим движением прошлись от талии до груди. – А у тебя, милашка, роскошный бюст. Не сомневаюсь, ты будешь хорошо себя вести.

Эви закрыла глаза, откинулась назад, устраиваясь между его раздвинутыми бедрами. Мягкие губы, созданные для греха, легкими прикосновениями пропутешествовали вдоль шеи.

– Наверное, нужно предостеречь тебя, – продолжал голос, полный соблазна, – чтобы ты держалась от хозяина как можно дальше. Он ведь известный распутник.

Улыбка тронула ее губы.

– Наслышана. Он настолько порочен, как об этом все судачат?

– Даже хуже. В особенности когда дело касается рыжеволосых девиц. – Он вытащил несколько заколок из ее прически, и на плечо упала длинная прядь. – Бедняжка! Боюсь, он не даст тебе проходу.

Эви непроизвольно вздрогнула от удовольствия, когда он начал целовать ей шею.

– К-как часто мне придется слушаться его?

– Часто, – последовало между поцелуями.

У нее вырвался беспомощный смешок, когда она попыталась развернуться к нему лицом.

Даже после тридцати лет брака сердце у Эви замирало при виде мужа – бывшего лорда Сент-Винсента, а теперь герцога Кингстона. Себастьян превратился в роскошного мужчину, чья внешность одновременно внушала трепет и восхищение. Получив титул герцога десять лет назад, он преумножил качества человека, обладавшего огромной властью. Но встречая взгляд его поразительных светло-голубых глаз, полных огня и льда, никто не мог отделаться от мысли, что прежде герцог слыл самым беспутным повесой во всей Англии. Он таким и оставался – Эви могла подтвердить это.

Время было благосклонно к Себастьяну. Он оставался красивым мужчиной, стройным и элегантным. Его волосы темного золота теперь слегка серебрились на висках. Лев зимой, которому никто не осмелился бы перейти дорогу. Зрелый возраст добавлял его образу холодной, резкой властности, впечатление человека умудренного и опытного, которого редко, если вообще когда-нибудь, возможно обвести вокруг пальца. Однако если что-то развлекало или трогало Себастьяна, у него на губах появлялась улыбка, сияющая и неотразимая.

– О, это ты! – слегка удивился он, словно не ожидал оказаться на коленях на ванном коврике с женой в объятиях. – А я уже приготовился совратить невинную служаночку. Ты-то ведь у нас крепкий орешек.

– Можешь совратить меня, – с готовностью отозвалась Эви.

Муж улыбнулся. Сияющие глаза обежали ее лицо. Он убрал с него вьющиеся пряди, которые искрились разными оттенками красного, начиная с рубинового и кончая нежным абрикосовым.

– Любовь моя, я пытался сделать это целых тридцать лет. Но, несмотря на мои нескончаемые усилия... – Страстные губы запечатлели поцелуй на шее. – ...У тебя сохранился все тот же невинный взгляд стыдливой девушки, сидящей у стеночки на балу, с которой мы тогда сбежали от родителей. Ты не могла бы постараться выглядеть чуть-чуть более пресыщенной? Лишенной иллюзий? – Себастьян тихо засмеялся, оценив ее попытку, и поцеловал в губы, на этот раз поддразнивая, крепко прижимая к себе, отчего пульс у нее забился чаще.

– Зачем ты искал меня? – ослабев, спросила она, отклонив голову, когда его губы коснулись ее щеки.

– Я только что получил новости о твоём сыне.

– О каком из них?

– О Габриеле. Случился скандал.

– Почему он твой сын, когда ты им доволен, и становится моим, как только сделает что-нибудь дурное? – спросила Эви, пока муж, освободив ее от фартука, начал расстегивать лиф платья.

– Так как я родитель, полный добродетели, – сказал он, – совершенно логично, что вся его безнравственность идет от тебя.

– У т-тебя было именно такое прошлое.

– Разве? – Теперь Себастьян неторопливо ласкал ее. – Так это я безнравственный? Нет, лапушка, этого не может быть. Я уверен, это ты.

– Нет, ты, – решительно заявила супруга. Дыхание участилось, когда его ласки стали более настойчивыми.

– Хм. Этот вопрос нужно разрешить сейчас же. Я отнесу тебя напрямиком в постель.

– Подожди. Расскажи о Габриеле. Скандал имеет какое-то отношение к... этой женщине?

В обществе циркулировали слухи о связи Габриеля с женой американского посла. С самого начала Эви тяготилась таким положением дел и надеялась, что увлечение окажется мимолетным. Минуло два года.

Подняв голову, Себастьян посмотрел на герцогиню и слегка нахмурился:

– Он умудрился скомпрометировать дочку графа, одну из Рейвенелов.

Сдвинув брови, Эви обдумывала услышанное. Имя показалось ей знакомым.

– Мы встречались с этой семьей?

– Меня представляли старому графу, лорду Трениру. Жена у него дама взбалмошная и пустая. Ты однажды виделась с ней на выставке цветов и, кажется, перекинулась парой слов о коллекции орхидей.

– Да, припоминаю. – К сожалению, графиня не понравилась Эви. – У них есть дочь?

– Две дочери. Близнецы. В этом году у них первый сезон. Кажется, твоего сына-идиота застукали в ситуации *in flagrante delicto* с одной из них.

– Он следует по стопам своего отца.

Сделав обиженный вид, Себастьян изящным движением поднялся сам и поднял супругу.

– Его отец никогда не попадал в подобную ситуацию.

– Разве что в ситуацию со мной, – чопорно напомнила она.

Себастьян засмеялся:

– Это правда.

– Что в точности означает *in flagrante delicto*?

– Буквальный перевод с итальянского – «на месте преступления». – Легко подхватив Эви на руки, он добавил: – Полагаю, доказательств было достаточно.

– Так что насчет с-скандала? А Габриель, и эта девушка, и...

– Пусть весь мир подождет, – решительно заявил Себастьян. – Я собираюсь совратить тебя десять тысяч раз. И в этот раз хочу, чтобы ты обратила на меня внимание.

– Да, сэр, – кротко согласилась она и обвила руками мужа за шею, пока он нес ее в спальню.

Глава 1

*Лондон, 1876 год.
Двумя днями ранее*

Леди Пандора Рейвенел скучала.
Ужасно скучала.

Лондонский сезон тянулся, и не было ему конца. Предстояло вытерпеть четыре месяца балов, суаре, концертов и ужинов до того, как парламент уйдет на каникулы, а знать с семьями займет свои деревенские гнезда. Оставалось еще по меньшей мере шестьдесят ужинов, пятьдесят балов и бог весть сколько суаре.

Она просто не выживет. Безвольно опустив плечи, Пандора откинулась на спинку стула и оглядела заполненный бальный зал. Здесь присутствовали джентльмены, одетые формально – в черное и белое, офицеры в мундирах и парадных сапогах, дамы в шелках и тафте. Зачем они все здесь? Что нового они могли сообщить друг другу после череды балов?

Худший вид одиночества, угрюмо подумала Пандора, – это когда человек находится в центре ликующей толпы, а ему совсем не весело.

Где-то там, среди вальсирующих пар, ее сестра близняшка танцует в объятиях воздыхателя, полного надежд. И хотя Кассандра, как и Пандора, тоже считала сезон времяпрепровождением глупым и праздным, с большей охотой играла в эти игры.

– Почему бы тебе не пройтись по залу, не поболтать с кавалерами? – спросила Кассандра в самом начале вечера. – Это лучше, чем сидеть, забившись в угол.

– Нет, не лучше. По крайней мере когда я сижу в стороне, то могу думать об интересных вещах. Не понимаю, как тебе часами удается выносить это докучливое общество.

– Здесь не все докучливые, – запротестовала Кассандра.

Пандора бросила на нее скептический взгляд:

– Из всех джентльменов, с которыми ты уже познакомилась, есть хотя бы один, с которым тебе захотелось бы увидеться еще раз?

– Пока нет, – призналась Кассандра.

– Для того чтобы встретить единственного, – мрачно заметила Пандора, – придется переизнакомиться со всеми.

Кассандра пожала плечами:

– За разговорами вечер проходит быстрее. Можешь сама убедиться.

К несчастью, Пандора терпеть не могла пустой болтовни. Для нее было невыносимо изображать живейший интерес к какому-нибудь напыщенному невеже, когда он начинал превозносить свои достоинства и успехи. Она не могла набраться терпения, чтобы спокойно выслушать пэра преклонных лет, который подыскивал молоденькую невесту на роль компаньонки и сиделки, или уделить внимание какому-нибудь вдовцу, не терявшему надежды продолжить род. От одной мысли, что кто-то из них может коснуться ее, пусть даже рукой в перчатке, кожа покрывалась мурашками, а необходимость поддерживать с ними беседы еще раз напоминала о том, как ей все это наскучило.

Уставившись в полированный паркет, она пыталась подсчитать, сколько слов можно образовать из слова «скука», но не успела ничего придумать.

– Пандора, – донесся до нее скрипучий голос дамы-патронессы, сопровождавшей их с сестрой на бал. – Почему вы опять обретаетесь в углу? Дайте заглянуть в вашу записную книжку для танцев.

Пандора подняла взгляд на Элеонору, леди Бервик, и неохотно протянула ей маленькую книжечку в форме веера.

Графиня – высокая дама с величественными манерами и прямой спиной – раскрыла украшенную перламутром обложку и бросила стальной взгляд на тонкие костяные странички.

Там не было ни одной записи.

Леди Бервик поджала губы, словно стянула шнурком:

– К этой минуте их нужно было заполнить целиком.

– Я подвернула ногу.

Пандора не решалась поднять глаза на графиню. Отговорка давала возможность посидеть в уголке и при этом не подвергнуться общественному осуждению. В соответствии с этикетом, если леди единожды откажется от приглашения на танец по причине усталости или недомогания, она освобождается от других приглашений до конца вечера.

В недовольном голосе графини слышался лед.

– И это ваш ответ на щедрость лорда Тренира? Все ваши новые дорогие наряды и аксессуары... Почему вы позволили ему потратиться на них, если с самого начала замыслили провалить сезон?

На самом деле Пандора чувствовала свою вину. Ее кузен Девон, лорд Тренир, который принял титул герцога в прошлом году, после смерти ее брата, исключительно по-доброму отнесся к ней и к Кассандре. Он не только одел их к сезону, но также обеспечил каждую приданым, достаточно солидным, чтобы гарантировать интерес подходящего холостяка. Совершенно определенно ее родители, которые умерли несколько лет назад, не проявили бы такой щедрости.

– Я ничего такого не замышляю, – забормотала она. – Просто не предполагала, что будет так трудно.

В особенности танцевать.

Какие-то танцы, как, например, полонез и кадрили, ей вполне удавались, она даже справлялась с галопом, если только партнер не проявлял чрезмерно прыти, но вот вальс представлял опасность на каждом повороте... буквально! Пандора теряла равновесие, как только нужно было идти по кругу. Такое же случалось с ней и в темноте, когда отсутствовали видимые ориентиры в пространстве. Леди Бервик не догадывалась о ее проблеме. Из гордости и стыдливости Пандора никогда бы не рассказала ей об этом. Только Кассандра знала ее тайну и то, что скрывалось за ней, и в течение нескольких лет помогала все держать в секрете.

– Трудно, потому что вы так решили. – Леди Бервик оставалась непреклонна.

– Не понимаю, почему я должна переживать все эти сложности, чтобы поймать мужа, который никогда не полюбит меня.

– Будет вас любить муж или нет, это несущественно. Брак не имеет ничего общего с личными чувствами. Это союз интересов.

Пандора не стала спорить, хотя не могла согласиться с ней. Примерно год назад ее старшая сестра Хелен вышла замуж за мистера Риза Уинтерборна, уэльсца невысокого рода, и была с ним счастлива. Точно так же были счастливы кузен Девон и его жена Кэтлин. Браки по любви, должно быть, редки, но определенно возможны.

Но Пандора все равно не помышляла о таком будущем для себя. В отличие от Кассандры – девушки романтической – она никогда не мечтала о замужестве, о том, чтобы завести детей. Ей никогда не хотелось принадлежать кому-нибудь, и уж тем более чтобы кто-нибудь принадлежал ей. Пандора прекрасно понимала: она никогда не будет счастлива в обычной жизни.

Вздыхнув, леди Бервик села рядом, прямая спина держалась параллельно спинке стула.

– Только что начался май. Вы помните, что я говорила об этом?

– Это главный месяц сезона, когда проходят самые важные мероприятия.

– Правильно. – Пожилая дама вернула ей книжечку. – После сегодняшнего вечера я ожидаю, что вы приложите все старания. Это ваш долг перед лордом и леди Тренир и перед самой

собой. Осмелюсь напомнить, что это долг и передо мной, учитывая все мои усилия помочь вам приобрести лоск.

– Вы правы, – тихо согласилась Пандора. – И мне очень жаль – действительно очень жаль – огорчать вас. Но мне стало абсолютно ясно: я ничего не значу ни для кого из них. Я ни за кого не пойду замуж. У меня есть планы зарабатывать самой и жить независимо. При определенной доле везения это получится, и больше никто не станет из-за меня переживать.

– Вы говорите о настольной игре, об этой чепухе? – насмешливо спросила графиня.

– Это совсем не чепуха. Я недавно получила на нее патент. Спросите у мистера Уинтерборна.

В прошлом году Пандора, которая всегда любила игрушки и головоломки, сама придумала настольную игру. Подбадриваемая мистером Уинтерборном, она подготовила заявку на патент и собралась производить, а потом и продавать свое изобретение. Мистер Уинтерборн, который владел самым большим в мире универсальным магазином, уже договорился разместить заказ на пятьсот экземпляров. Ее игре был гарантирован успех прежде всего потому, что конкуренции в этой сфере торговли просто не существовало. Пока игровая индустрия процветала в Америке благодаря усилиям компании «Милтон Бредли», в Британии эта деятельность оставалась в зачаточном состоянии. Пандора уже придумала еще две игры и приготовилась подать заявку на патенты. Когда-нибудь в будущем ей удастся заработать достаточно денег, чтобы самостоятельно пробить себе дорогу в окружающем мире.

– При всем моем уважении к мистеру Уинтерборну, – строго произнесла леди Бервик, – я считаю ошибкой то, что он поддерживает вас в этой глупой затее.

– По его мнению, из меня может получиться успешная бизнес-леди.

Графиня дернулась, словно ее ужалила оса:

– Пандора, вы рождены дочерью графа. Торговец или фабрикант вам не пара. Самой же становиться дельцом просто невыносимо. Вас не примут ни в одном приличном доме. Вас подвергнут остракизму.

– Почему всех этих людей, – Пандора обвела рассеянным взглядом толпу, – должно беспокоить, чем я буду заниматься в жизни?

– Потому что вы одна из них. Им от этого столько же пользы, сколько и вам. – Графиня покачала головой. – Не стану делать вид, что полностью понимаю вас, девочка моя. Ваш ум всегда казался мне чем-то вроде тех фейерверков... Как называются те, которые крутятся как ненормальные?

– «Огненные колеса».

– Вот-вот. Крутятся, искрят и шумят. Вы выносите суждения, не обращая внимания на частности. Быть умницей – это чудесно, но умничать не советую: просто начнут игнорировать. Вы всерьез считаете, что имеете право не обращать внимания на мнение общества? Вы действительно полагаете, что люди начнут восхищаться вами за вашу непохожесть?

– Конечно, нет. – Пандора играла с книжечкой для записей танцев, то разворачивая ее, то вновь складывая. – Но по крайней мере они могли бы попытаться понять.

– Глупости, строптивая вы девчонка! Зачем им это нужно? Нонконформизм – это не более чем маскировка для тех, кто пытается вызвать интерес к своей персоне. – Графине явно не терпелось прочитать Пандоре целую лекцию на эту тему, однако она резко замолчала и встала. – Позже мы продолжим с вами эту дискуссию. – Потом развернулась и направилась к группке вдов, остроглазых, с постными лицами.

В левом ухе у Пандоры раздался звон металла, словно там кто-то тряс медную проволоку. С ней такое иногда случалось, когда она испытывала душевные страдания. К ее ужасу, на глаза навернулись жалющие слезы отчаяния. О господи, это будет настоящее унижение – эксцентричная, неловкая, никому не нужная Пандора плачет в углу бального зала! Нет, этому не бывать. Она поднялась с такой стремительностью, что чуть не опрокинула стул.

– Пандора! – раздался невдалеке встревоженный голос. – Мне нужна твоя помощь. Озадаченная, она повернулась и увидела торопившуюся к ней Долли, леди Колуик.

Живая темноволосая Долли была младшей из двух дочерей леди Бервик. Их семьи хорошо познакомились друг с другом после того, как леди Бервик взялась учить Пандору и Кассандру этикету и хорошим манерам. Долли была девушкой очаровательной и всеми любимой и очень по-доброму относилась к Пандоре в отличие от других молодых женщин, которые либо проявляли безразличие, либо смеялись над ней. В прошлом году, во время первого своего сезона, Долли была на устах всего Лондона. На каждом светском мероприятии вокруг нее толпились стада холостяков. Недавно она вышла замуж за Артура, лорда Колуика, который был старше ее лет на двадцать и обладал солидным состоянием, а впереди у него маячил титул маркиза.

– В чем дело? – заволновалась Пандора.

– Во-первых, пообещай, что ничего не расскажешь маме.

Пандора криво усмехнулась:

– Ты же знаешь: я ничего ей не расскажу, даже если мне очень захочется. Так что случилось?

– Я потеряла серьгу.

– О, бедняжка, – посочувствовала Пандора. – Но это с любым может случиться. Я постоянно что-нибудь теряю.

– Нет, ты не понимаешь. Лорд Колуик специально достал из сейфа сапфиры, которые принадлежали его матери, чтобы я их надела нынешним вечером. – Долли повернулась к ней ухом и показала тяжелую серьгу с огромным сапфиром в обрамлении бриллиантов. – Проблема не в том, что я потеряла вторую, – продолжала она с несчастным видом, – а в том, где я ее потеряла. Понимаешь, я на несколько минут выскользнула из особняка с одним из моих бывших воздыхателей, мистером Хейхорстом. Если лорд Колуик узнает об этом, то будет вне себя.

Пандора удивленно смотрела на нее.

– Зачем ты это сделала?

– Знаешь, мистер Хейхорст всегда был моим любимым поклонником. Мое замужество разбило ему сердце, и он продолжает добиваться меня. Поэтому пришлось умиротворить его и согласиться на randevu. Мы отправились в летнюю беседку за задней террасой. Должно быть, я обронила сережку там, когда мы устроились на скамье. – На глазах Долли заблестели слезы. – Мне нельзя тратить время на поиски. Я и так слишком долго отсутствовала. А когда муж обнаружит пропажу... И подумать страшно...

Последовала выжидательная пауза.

Пандора посмотрела на окна бального зала, в стеклах которых сияли отражения люстр. Сад погрузился во тьму. Беспокойство поползло вниз по спине. Ей не хотелось выходить в ночь, в особенности одной, но Долли пребывала в полном отчаянии и, вспомнив, как она была добра к ней, Пандора не смогла отказать подруге.

– Ты хочешь, чтобы я принесла ее тебе? – уточнила она.

– Ты согласна? Тогда быстренько сходи туда, заberi серьгу и тут же возвращайся назад. Беседку легко найти. Просто иди по гравийной дорожке через лужайку. Пожалуйста, пожалуйста, Пандора, душечка! По гроб жизни буду тебе обязана.

– Не надо меня упрашивать. – Пандора была смущена и удивлена. – Постараюсь найти пропажу. Но, Долли, ты ведь теперь замужем. И мне кажется, что тебе не следовало назначать свидание мистеру Хейхорсту. Он не стоит такого риска.

Долли с грустью посмотрела на нее:

– Мне нравится лорд Колуик, но я никогда не полюблю его, как мистера Хейхорста.

– Тогда зачем ты выходила замуж?

– Мистер Хейхорст третий сын по счету, у него никогда не будет титула.

– Но если ты любишь его...

– Не говори глупости, Пандора. Любовь – это для модисток. – Долли с беспокойством оглядела зал. – Никто не смотрит, – сказала она. – Давай иди, только быстрее.

О, ей самой хотелось быть быстрой, как Мартовский Заяц. Она не собиралась оставаться ночью под открытым небом дольше, чем было необходимо. Вот бы уговорить Кассандру, верную хранительницу ее тайн, составить ей компанию, но будет лучше, если сестра продолжит танцевать, отвлекая на себя внимание леди Бервик.

Пандора двинулась вдоль стены зала, прислушиваясь на ходу к обрывкам светских сплетен. Когда она проскользнула за спиной у леди Бервик, то была почти уверена, что та обернется и кинется на нее, как ястреб на перепелку. К счастью, леди Бервик продолжала созерцать танцующие пары, которые, заполнив все пространство зала, шли по кругу, мелькая юбками разных цветов и демонстрируя обтянутые бриджами мужские ноги.

Как показалось Пандоре, ее уход остался незамеченным. Быстро спустившись по главной лестнице и миновав большой холл с балконом, она вышла в ярко освещенную галерею, которая протянулась на всю длину особняка. Здесь на стенах строгими рядами висели портреты. Поколения лощеных аристократов высокомерно рассматривали ее, когда она торопливо, почти бегом, передвигалась по наборному паркету.

Найдя дверь, выходящую на заднюю террасу, Пандора помедлила на пороге, вглядываясь в темень, как пассажир корабля, стоящий у перил. Уже была глубокая ночь, холодная и темная. Ей до ужаса не хотелось покидать дом, где она чувствовала себя в безопасности. Но ее успокоила вереница горящих масляных фонарей. Это были медные плошки, поднятые на высокие железные шесты и установленные вдоль дорожки, огибавшей просторную лужайку.

Сосредоточившись на своей миссии, Пандора спустилась с террасы на газон. Густая роща из шотландской пихты делала воздух не столь едким. Она заглушила вонь, исходящую от Темзы, которая протекала прямо по краю поместья.

С той стороны до Пандоры донеслись грубые мужские голоса и стук молотков – это рабочие укрепляли помост, готовясь к фейерверку. В конце праздника гости соберутся на задней террасе и на балконах верхнего этажа, чтобы понаблюдать за чудом пиротехники.

Дорожка из гравия привела ее к гигантской статуе древнего речного бога – отца Темзы. Бородатая, крепкого сложения массивная фигура облокотилась о кусок скалы огромного размера и при этом в одной руке небрежно держала трезубец. Древний бог был абсолютно голым, если не считать шапочку, венчавшую макушку. Пандоре это показалось весьма глупым.

– *Au naturel*¹ на глазах у всех? – небрежно поинтересовалась она, проходя мимо. – Такое можно ожидать от классической греческой статуи, но для вас, сэр, это непростительно.

Пандора пошла дальше в направлении беседки, которую практически скрывала живая изгородь из тиса и обильно цветущих кустов роз. Сооружение без дверей, со стенами, достигающими до середины поддерживавших крышу колонн стояло на каменном фундаменте. Под крышей красовались витражи. Внутри с потолка свисала марокканская лампа – единственный источник света.

Поколебавшись, она все-таки поднялась на две деревянные ступеньки и вошла в беседку. Из мебели здесь была только скамья, которую, судя по всему, привинтили болтами к ближайшим столбам.

Занявшись поисками серьги, Пандора постаралась, чтобы край платья не подметал грязный пол. На ней был самый лучший ее наряд – бальное платье из переливчатого шелка, который казался серебряным, если смотреть на него под одним углом, и лавандового цвета – если под другим. Спереди все было выполнено очень просто – лиф гладкий, тесно прилегающий, и

---

¹ Здесь: в натуральном виде (*фр.*).

низкий вырез. Сзади замысловато заложенные складки перетекали в каскады шелка, которые трепетали и мерцали во время ходьбы.

Сначала она перевернула подушки. Ничего. Потом забралась на сиденье, заглянула в щель между спинкой скамьи и стенкой и довольно усмехнулась, когда заметила сверкнувшую драгоценность. Та лежала на полу у самой стенки.

Теперь главное – как до нее добраться? Можно опуститься на колени и попытаться дотянуться до серьги, но тогда в зал она вернется грязная, как трубочист. Деревянную спинку украсила резьба в виде растительного орнамента с причудливыми завитушками. Ажур был воздушным, имел прорези довольно большого размера, и сквозь них можно было свободно просунуть руку. Пандора стянула перчатки, потом, решительно подобрав юбки, встала коленями на скамью и сунула руку в отверстие почти до локтя, но не смогла дотянуться кончиками пальцев до пола.

Привалившись к спинке, попыталась просунуть голову вслед за рукой и почувствовала, как зацепилась волосами за спиральку орнамента. На полу что-то звякнуло – это выпала шпилька из прически.

– Да провались ты! – выругалась она, но ей все-таки удалось пролезть головой в прорезь, тут же нащупать серьгу и зажать между пальцами.

Однако торжествовать было рано: когда Пандора попыталась освободить голову и плечо, резная спинка превратилась в акульки челюсти и не выпустила ее. Пандора сделала резкое движение назад и ощутила, как платье за что-то зацепилось и на нем поехали швы. Она застыла. В платье с прорезами вернуться в зал? Об этом не могло быть и речи.

Пандора вытянулась и постаралась дотянуться свободной рукой до спины, чтобы освободить платье, но снова остановилась, потому что услышала, как тончайший шелк начал рваться. Она решила немного продвинуться вперед, а затем попыталась отступить назад уже под другим углом. Но от этого ее ловушка стала еще безжалостнее, зубчатые края резного дерева впились в кожу. После минутной борьбы с деревянной спинкой Пандора затихла: стояла на коленях без движения и тяжело дышала.

– Я не застряла, – пробормотала она себе под нос. – Этого не может быть. – Еще раз выгнулась всем телом. – О господи! Все-таки застряла. Застряла! Черт, черт, черт!

Если ее найдут в таком положении, то насмешки ей обеспечены. Ужас в том, что это отразится на семье: родных тоже начнут высмеивать. Нынешний сезон Кассандры превратится в катастрофу. Это было неприемлемо.

В отчаянии, в полном разочаровании, Пандора попыталась вспомнить самое грубое выражение из тех, что знала.

– Вот дерьмо!

В следующий момент ею овладел смертельный ужас, потому что она услышала мужское покашливание.

Это лакей? Садовник? «Пожалуйста, миленький Господи, пожалуйста, сделай так, чтобы это был не кто-нибудь из гостей!»

Донесся звук шагов, мужчина поднялся в беседку и произнес:

– Кажется, вы испытываете какие-то трудности с этой скамьей. Как правило, я не советую неосмотрительно пользоваться незнакомой мебелью, чтобы избежать подобных проблем. – В его голосе звучали холодные темные обертоны, что сразу успокаивающе подействовало на несчастную. От облегчения по обнаженной коже побежали мурашки.

– Уверена, вид у меня забавный, – осторожно начала Пандора, вытягиваясь, чтобы краем глаза увидеть, кто это. Мужчина был одет во фрак. Значит, гость.

– Совершенно нет. Почему меня должен забавлять вид молодой женщины, позирующей вверх тормашками на предмете мебели.

– Я не позирую. Просто мое платье зацепилось за какую-то виньетку. Буду вам весьма признательна, если вы поможете мне освободиться.

– От платья или от скамьи? – заинтересовался незнакомец.

– От скамьи, – раздраженно ответила Пандора. – Я запуталась в этих проклятых... – Ненадолго умолкла девушка, придумывая, как бы назвать эти тщательно вырезанные деревянные элементы декора. – ...завигрушках, – договорила она наконец.

– Спиралях аканта, – одновременно с ней произнес мужчина и спустя секунду, безучастно спросил: – Как вы их назвали?

– Неважно! – недовольно сказала она. – У меня дурацкая привычка придумывать новые слова, и я не собираюсь делать их достоянием общественности.

– Почему нет?

– Люди подумают, что я странная.

Его тихий смех пробудил ощущение щекотки у нее в животе.

– В данную минуту, дорогая, придумывание неологизмов – наименьшая ваша проблема.

Пандора захлопала глазами и напряглась, когда он опустил на сиденье рядом. Мужчина устроился достаточно близко, чтобы она ощутила его аромат – смолистый, может, можжевельный, а поверх него чистый, холодный, слегка земляной запах. От него пахло лесом.

– Вы собираетесь мне помочь? – спросила Пандора.

– Может быть. Если сначала расскажете, как занесло вас в эту беседку.

– Вам важно это знать?

– Важно, – заверил он ее.

Пандора насупилась:

– Мне нужно было кое-что достать.

Мужская рука легла на спинку скамьи.

– Боюсь, потребуются подробности.

«Как-то не по-рыцарски он себя ведет», – с досадой подумала Пандора.

– Я доставала серьгу.

– Как вы ее обронили?

– Она не моя, моей подруги, и мне ее нужно быстро вернуть.

– Подруги? – скептически переспросил мужчина. – Как ее зовут?

– Этого я не могу сказать.

– Жаль. Удачи вам. – Он сделал движение, чтобы встать.

– Подождите! – Пандора опять задергалась, но тут же поняла, что разошлась еще пара швов. Зашипев от злости, она замерла. – Эта серьга принадлежит леди Колуик.

– О! Полагаю, она была здесь с Хейхорстом?

– Как вы догадались?

– Об этом известно всем, включая лорда Колуика. Думаю, он будет смотреть на интрижку Долли сквозь пальцы, но это позже. А сейчас, пока она не произвела на свет законного наследника...

Еще никто из джентльменов не разговаривал с Пандорой настолько откровенно. Она замерла. И это был первый по-настоящему живой разговор из тех, что ей приходилось поддерживать на балах.

– Нет у нее никакой интрижки, – заявила Пандора. – Это было всего лишь рандеву.

– Вы знаете, что означает «рандеву»?

– Конечно, знаю, – с гордостью сказала она. – Я брала уроки французского. Это означает «встреча».

– В данном контексте, – сухо заметил он, – это означает намного больше.

Пандора заерзала:

– Мне наплевать, чем занималась Долли с мистером Хейхорстом в этой беседке. Я просто хочу выбраться отсюда. Теперь вы мне поможете?

– Наверное, должен. Ощущение новизны от разговора с незнакомой *derriere*² перестает интриговать.

Пандора замерла, ее сердце затрепетало, потому что мужчина навис над ней.

– Не беспокойтесь, – сказал он. – Я не собираюсь приставать к вам. Мои вкусы не распространяются на молодых девушек.

– Мне двадцать один, – с негодованием заявила она.

– В самом деле?

– Да! Почему вы не верите?

– Никак не ожидал, что особа в вашем возрасте может оказаться в столь затруднительной ситуации.

– Я все время попадаю в затруднительные ситуации. – Пандора вздрогнула, почувствовав, как он осторожно нажал на ее спину.

– Не шевелитесь. Вы зацепились платьем за три разные арабески. – Он ловко разобрал шелковые складки и оборки. – Как вам удалось протиснуться в такое маленькое отверстие?

– Вперед продвигаться было легко. Но я даже не представляла, что все эти проклятые завигру... в смысле завитушки превратятся в зубья при движении назад.

– Теперь ваше платье свободно. Попробуйте выбраться.

Пандора сделала движение назад и ойкнула, когда деревянный выступ вонзился в ее кожу.

– У меня по-прежнему не получается. О, чтоб тебя!..

– Не паникуйте. Подвигайте плечом... Нет, не так. По-другому. Подождите. – Незнакомец поневоле развеселился. – Это похоже на то, как открывают японскую клетку-головоломку.

– Что это такое?

– Деревянная шкатулка, в которой все элементы связаны между собой. Ее можно открыть, только если знаешь, с какой детали начать, а также последующую очередность шагов. – Теплая ладонь легла на ее обнаженное плечо и осторожно повернула его.

Это прикосновение произвело на девушку странное впечатление. Оно ее потрясло.

Пандора сделала глубокий вдох, холодный воздух ворвался в ее легкие.

– Расслабьтесь, – сказал незнакомец, – и я мигом вас вызволю.

Ее голос зазвучал выше и пронзительнее, чем обычно.

– Я не могу расслабиться с вашей рукой на плече.

– Если вы мне поможете, все закончится быстро.

– Я стараюсь, но у меня очень неловкое положение.

– Благодарите себя за это, я тут ни при чем, – напомнил он ей.

– Да, но... О-о-о! – Острый зубец впился в предплечье. Ситуация становилась критической. Паникуя, Пандора забилась в ловушке из резного дерева. – О, это просто ужаснотворно!

– Спокойно-спокойно. Дайте я поправлю вам голову.

Оба окаменели, когда снаружи, из сада до них донесся разъяренный хриплый крик:

– Да что там происходит, дьявол побери?

Незнакомец, зависнув над девушкой, тихо выругался. Пандора не была уверена, что поняла смысл сказанного слова, но прозвучало оно намного грубее, чем ее «дерьмо».

Тот же гневный голос не унимался:

– Подлец! Я от тебя этого не ожидал. Устроился на беззащитной женщине и оскорбляет мое гостеприимство.

– Милорд, – резко оборвал его спаситель Пандоры, – вы неправильно расценили ситуацию.

---

² Зад, задница (*фр.*).

– Я все прекрасно распенил. Отпусти ее сейчас же.

– Но я застряла, – горестно воскликнула Пандора.

– Какой стыд! – Вздорный старик, судя по всему, обратился еще к кому-то: – Кажется, застучали в самый неподходящий момент.

В полном замешательстве Пандора почувствовала, как незнакомец все-таки выдернул ее из ловушки, прикрыв ей рукой лицо, чтобы она не поранилась. Прикосновение было мягким, но волнующим – волна теплой дрожи прошла по телу. Как только девушка ощутила себя свободной, тут же вскочила на ноги. Голова у нее закружилась, и Пандору слегка повело. Она закачалась, и незнакомец инстинктивно подхватил ее. У нее возникло короткое, ошеломляющее впечатление от его твердой груди и крепких рук, прежде чем он отпустил ее. Прическа у бедняжки рассыпалась, волосы упали вперед, и она оглядела себя. Юбки перепачкались и помялись. Красные отметины покрывали плечи и предплечья.

– Вот черт! – выругался мужчина, повернувшись к ней лицом. – Кто вы?

– Леди Пандора Рейвенел. Я скажу им... – Голос у нее упал, когда она вдруг обнаружила, что смотрит на надменного молодого бога, высокого, с прекрасной фигурой. Даже в тусклом свете лампы под потолком его волосы цвета янтаря бликовали золотом. Глаза – серо-голубые, как сумерки зимой, скулы – высокие и прямые, подбородок – словно высечен из мрамора. Пухлые губы вносили эротический диссонанс в классические черты. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы стало трудно дышать. Как отражается на характере мужчины такая невероятная красота? Наверняка не в лучшую сторону.

Потрясенная, Пандора опустила серьгу в кармашек платья.

– Я скажу им, что ничего ужасного не случилось. Ведь это правда, в конце концов.

Молодой джентельмен опередил ее на выходе из беседки, и они тут же оказались лицом к лицу с лордом Човортом, хозяином бала и владельцем этого поместья. Он ходил в друзьях у Бервиков, и поэтому Пандоре меньше всего хотелось, чтобы ему выпал случай обнаружить ее в компрометирующей ситуации. Его сопровождал темноволосый мужчина, которого Пандора никогда раньше не встречала.

Човорт был невысокого роста, коренастый и походил на яблоко, опиравшееся на две ореховые зубочистки. Нимб седых волос и такая же седая борода тряслись, пока он говорил:

– Мы с графом решили прогуляться до берега реки, чтобы посмотреть, как идет подготовка к запуску фейерверка, и тут услышали призывы о помощи.

– Никого я не звала, – запротестовала Пандора.

– Я тоже ходил туда, чтобы поговорить с подрядчиком, – вмешался ее спаситель. – Когда возвращался в дом, то заметил, что у леди Пандоры возникли проблемы – ее платье зацепилось за спинку скамьи. Я просто попытался помочь леди.

Седые, словно наклеенные брови Човорта взметнулись чуть ли не до линии волос, когда он повернулся к девушке.

– Это правда?

– Да, милорд.

– Умоляю, скажите, почему вы, во-первых, оказались здесь?

Пандора заколебалась. Ей не хотелось вызывать Долли.

– Я вышла подышать свежим воздухом. Мне было... скучно там.

– Скучно? – гневным эхом отозвался Човорт. – С оркестром из двадцати музыкантов и целым сонмом танцующих денди?

– Меня не пригласили танцевать, – пробормотала Пандора.

– Вас бы пригласили, если бы вы не кувыркались здесь с печально известным шалопаем!

– Човорт, – тихо произнес темноволосый мужчина. – Позвольте мне сказать.

Заговоривший был суровым, но симпатичным, с резкими чертами лица, покрытого зага- ром. Хотя он не был молод – темные волосы отливали сталью, а время углубило морщинки вокруг смеющихся глаз, – его все равно нельзя было бы назвать старым.

– Я знаю этого парня с момента рождения, – продолжил он. Голос у него был низкий, звучал рассудительно и властно. – Как вам известно, мы с его отцом близкие друзья. Я ручаюсь за него и за его слово. Ради доброго имени девушки предлагаю не распространяться об этом досадном происшествии.

– Я тоже знаком с его отцом, – отрезал лорд Човорт. – Тот в свое время сорвал множество непорочных цветков. Сынок явно пошел по стопам папаши. Нет, Уэстклиф, я не стану молчать – он должен ответить за свой поступок.

Уэстклиф? Пандора глянула на него с осторожным интересом. Она слышала о графе Уэстклифе, который после герцога Норфолкского был обладателем старейшего и самого ува- жаемого титула пэра Англии. Его обширное поместье в Гэмпшире, Стоуни-Кросс-парк, было известно тем, что там устраивали рыбалку, охоту и состязания по стрельбе.

Уэстклиф встретил ее взгляд без каких-то проявлений осуждения.

– Ведь ваш отец – лорд Тренир? – спросил он.

– Да, милорд.

– Мы были знакомы. Он не раз охотился в моем поместье. – Граф помолчал. – Я пригла- шал его вместе с семьей, но он всегда предпочитал приезжать один.

В этом не было ничего удивительного. Ее отец считал трех своих дочерей ничемными созданиями. По этой причине их мать тоже проявляла к ним мало интереса. И как результат, Хелен, Пандора и Кассадра иногда не видели своих родителей месяцами. Удивительно было то, что воспоминание об этом до сих пор отзывалось болью.

– Моему отцу всегда хотелось иметь как можно меньше общего со своими дочерьми, – отстраненно заметила Пандора. – Мы были для него всего лишь досадным обстоятельством. – Опустив голову, тихо добавила: – Может, не так уж он ошибался.

– Не соглашусь. – В голосе графа прозвучало удивление и сочувствие. – Мои дочери не раз доказывали мне, что девушки, исполненные благих намерений и обладающие живым умом, умеют правильно вести себя в сложных ситуациях.

В разговор вступил лорд Човорт.

– Эту сложную ситуацию можно упростить до предела. Я вверю леди Пандору сопровож- дающей ее даме. – Он повернулся к молодому человеку, стоявшему рядом с девушкой. – Пола- гаю, сейчас вы отправитесь в Рейвенел-хаус, чтобы встретиться с ее семьей и договориться обо всем?

– О чем договориться? – спросила Пандора.

– Он имеет в виду бракосочетание, – ровно сказал молодой человек. Глаза его стали холодными.

Испуг и тревога овладели ею.

– Что? Нет! Нет! Я ни в коем случае не выйду за вас. – Сообразив, что он сможет принять это на свой счет, Пандора добавила более примирительно: – Дело совсем не в вас. Просто я вообще не собираюсь выходить замуж.

Лорд Човорт высокомерно прервал строптивницу:

– Смеею предположить, что у вас не возникнет возражений, когда вы узнаете, что человек, стоящий рядом с вами, – это Габриель, лорд Сент-Винсент, наследник герцогства.

Пандора покачала головой:

– Лучше быть поденщицей, чем женой пэра.

Холодный взгляд лорда Сент-Винсента обежал плечи, все в царапинах, разорванное пла- тье и вернулся к ее лицу.

– Дело в том, – произнес он тихо, – что вы отсутствовали в бальном зале достаточно долго и наверняка стали объектом всеобщего внимания.

Теперь до Пандоры дошло, что она действительно оказалась в сложной ситуации, которую невозможно разрешить простым объяснением, или деньгами, или влиянием ее семьи. В ушах пульс бил в литавры.

– Если вы позволите мне тотчас же туда вернуться, никто даже не заметит моего отсутствия.

– В такое невозможно поверить.

То, как он это произнес, не походило на комплимент.

– Правда-правда, – в отчаянии зачатила Пандора, думала она еще быстрее, чем говорила. – Я всего-навсего – как это у вас называется? Желтофиоль, пристеночница. И согласилась принять участие в сезоне, только чтобы составить компанию моей сестре Кассандре. Она моя близняшка. Красивее и очаровательнее меня, а вы как раз такой, какой ей нужен в мужья. Позвольте мне сходить за ней, тогда вы сможете скомпрометировать ее, а я соскочу с крючка. – Увидев его пустой взгляд, она пояснила: – Люди наверняка не ожидают, что мы поженимся.

– Боюсь, мне еще не доводилось скомпрометировать больше одной молодой леди за ночь. Должен же мужчина где-то остановиться.

Пандора решила воспользоваться другой тактикой.

– Вы ведь не хотите жениться на мне, милорд. Из меня получится самая плохая жена, какую только можно вообразить. Я забывчива и упряма, не могу усидеть на месте больше пяти минут. Все время поступаю так, как нельзя. Люблю подслушивать, громко разговариваю и бегаю при людях, неуклюже танцую. А мой характер испорчен вредным чтением. – Остановившись, чтобы перевести дух, она заметила, что список ее недостатков не произвел на Сент-Винсента никакого впечатления. – И еще: у меня ноги худые. Как у цапли.

При откровенном упоминании частей тела лорд Човорт ахнул, в то время как лорд Уэстклиф вдруг проявил живейший интерес к ближайшему кусту роз.

Рот у лорда Сент-Винсента дернулся в усмешке.

– Мне импонирует ваша искренность, – помолчав, сказал он. Потом бросил ледяной взгляд на хозяина дома. – Тем не менее в свете героической настойчивости лорда Човорта добиться справедливости у меня нет другого выхода, кроме как обсудить ситуацию с вашей семьей.

– Когда? – с тревогой спросила Пандора.

– Прямо сейчас. – Лорд Сент-Винсент сделал шаг вперед, сокращая дистанцию между ними. – Идите вместе с Човортом, передайте леди, которая сопровождает вас, что я немедленно отправляюсь в Рейвенел-хаус. И, ради бога, постарайтесь, чтобы вас никто не увидел. Мне совсем не хочется, чтобы кому-нибудь взбрело в голову, будто я мог дурно обойтись с юной леди. – После паузы он тихо добавил: – Вам нужно вернуть серьгу Долли. Попросите любого лакея передать ей пропажу.

Пандора допустила ошибку, когда подняла на него глаза. Ни одна женщина не устояла бы при виде этого лица. До настоящего времени все молодые люди из привилегированного мирка, с которыми она знакомилась во время сезона, казалось, стремились к одному определенному идеалу: к холодной аристократической самоуверенности, но ни один из них даже близко не стоял рядом с этим ослепительным, словно греческий бог, мужчиной, которого, вне всякого сомнения, баловали и обожали всю жизнь.

– Я не могу выйти за вас, – в оцепенении повторила Пандора. – Я потеряю все.

Отвернувшись, она оперлась на предложенную Човортом руку и направилась вместе с ним к дому. Двое других мужчин остались позади, чтобы поговорить наедине.

Човорт удовлетворенно посмеивался на ходу:

– Это же надо! Интересно посмотреть на реакцию леди Бервик, когда я сообщу ей новость.

– Она меня убьет, – выдавила Пандора, чуть не плача от отчаяния и жалости к себе.

– За что? – удивился старик.

– За то, что я оказалась скомпрометированной.

Човорт загоготал:

– Милая девочка, буду очень удивлен, если она не спляшет джигу. Я только что устроил свадьбу года!

Глава 2

Выругавшись, Габриель засунул сжатые кулаки в карманы.

– Мне жаль, – искренне сказал Уэстклиф. – Если бы это был не Човорт...

– Я понимаю.

Габриель ходил взад-вперед перед беседкой, как тигр в клетке. Он не мог в это поверить. После всех хитроумных брачных ловушек, которых ему удавалось избежать, его все-таки застукали. И не с какой-нибудь искусственной соблазнительницей и не с признанной в обществе красоткой. Поражение ему нанесла эксцентричная девица, на которую никто даже внимания не обращает. К несчастью, Пандора была дочерью графа, и это означает, что, даже будь у нее справка о сумасшествии – что, конечно, из области фантастики, – ее честь должна быть спасена.

Главное впечатление, которое она оставила о себе, – постоянно выплескивавшаяся нервная энергия, будто она ожидала взмаха флага на старте. Казалось, даже в мельчайшем ее движении был заложен взрывной потенциал. Это полностью разрушало внутреннее спокойствие. В то же время он поймал себя на мысли, что ему хочется овладеть этим брызжущим огнем и направить его в нужное русло, пока девица не ослабеет и не раскинется под ним в изнеможении.

Уложить ее в постель не составит большого труда, а вот все остальное, связанное с ней, может стать проблемой.

Хмурый и встревоженный, Габриель прислонился к колонне, поддерживавшей беседку.

– Что она имела в виду, когда сказала, что потеряет все, если выйдет за меня замуж? – спросил он громко. – Возможно, она влюблена в кого-то. Если так, то...

– Существуют молодые женщины, – сухо заметил Уэстклиф, – чьи жизненные цели не включают в себя поиск мужа.

Скрестив руки на груди, Габриель насмешливо глянул на собеседника:

– Правда? Что-то я таких не встречал.

– Как мне кажется, такая встреча только что состоялась. – Граф оглянулся и посмотрел вслед Пандоре. – Тихоня... – еле слышно вымолвил он с задумчивой улыбкой.

Помимо отца у Габриеля не было другого человека, которому он мог бы всецело доверять. Граф был для него как дядя. Он относился к тем людям, которые всегда следовали кодексу чести.

– Я уже знаю ваше мнение о том, как должно поступить, – пробормотал Габриель.

– И разделяешь это мнение как подлинный джентльмен. Девушка с поруганной репутацией отдается на милость света, – напомнил Уэстклиф.

Засмеявшись, словно не веря себе, Габриель покачал головой.

– Разве я могу жениться на такой особе? – Она никогда не будет соответствовать его понятиям о жизни. В конце концов они прикончат друг друга. – Она наполовину дикарка.

– Вполне очевидно, что леди Пандора в течение долгого времени не принимала участия в жизни общества, и поэтому не знакома с его нравами, – признал Уэстклиф.

Габриель наблюдал, как мотылек, привлеченный светом масляного фонаря, порхал вокруг него.

– Ей наплевать на этикет, – уверенно сказал он. Каждый круг бабочки становился все уже, крылья сверкали в смертельном танце вокруг колеблющегося пламени. – Что это за семья, Рейвенелы?

– Семья старая и уважаемая, однако лишилась состояния много лет назад. У леди Пандоры был старший брат Тео, который унаследовал графство после смерти их отца. К несчастью, он вскоре погиб в результате несчастного случая на скачках.

– Я встречался с ним, – хмуро заметил Габриель. – Два... нет, три года назад в клубе «Дженнерс».

Семья Габриеля владела частным игорным клубом под видом клуба для джентльменов, которому покровительствовали члены королевской семьи, аристократы и влиятельные люди. Перед тем как унаследовать герцогство, его отец Себастьян сам управлял и вел дела клуба. Заведение было самым модным в Лондоне.

В последние несколько лет большинство деловых интересов семьи легли на плечи Габриеля, включая и клуб «Дженнерс». Он никогда не выпускал его из-под контроля, зная, что заведение представляет для отца одну из главных забот. Один раз в клубе появился Тео, лорд Тренир. Это был крепкий симпатичный молодой человек, светловолосый и голубоглазый. Под очаровательной внешностью скрывался взрывной, неудержимый характер.

– Он пришел провести ночь в «Дженнерс» с какими-то друзьями, как раз когда я был там, – продолжал Габриель. – И большую часть времени просидел за игрой в кости. Игра не шла. Он был из тех, кто хочет во что бы то ни стало отыграться, вместо того чтобы остановиться вовремя. Перед уходом Тео обратился с просьбой получить членство клуба. Управляющий пришел ко мне, слегка взволнованный, и попросил разобраться с игроком такого высокого положения.

– Ты отказал Рейвенелу? – поморщился Уэстклиф.

Габриель кивнул.

– Его кредитная история была ужасна, а семейное поместье заложено-перезаложено. Я вежливо и доходчиво, насколько это возможно, все объяснил ему. Однако... – Он покачал головой, вспоминая.

– Он впал в ярость, – предположил Уэстклиф.

– У него ртом пошла пена, как у разъяренного быка, – удрученно сказал Габриель, вновь переживая ситуацию, когда Тео внезапно накинулся на него с кулаками. – Он не переставал бросаться на меня, и пришлось уложить его на пол. Я знал мужчин, которые не могли контролировать себя, в особенности когда были навеселе, но ни у кого не видел такого взрыва эмоций.

– Непостоянство темперамента Рейвенелов всегда было притчей во языцех.

– Вот уж спасибо, – кисло заметил Габриель. – Теперь я не удивлюсь, если мое будущее потомство появится на свет рогатое и хвостатое.

Уэстклиф улыбнулся.

– По моему опыту, это зависит от того, как вы будете обращаться с детьми. – Граф был устойчивым, прочным центром своего громогласного, неистового семейства, которое состояло из жизнерадостной жены и выводка непокорных отпрысков.

Но на фоне леди Пандоры все они выглядели бы ленивцами.

Габриель пробормотал:

– Я никогда не отличался большим терпением, Уэстклиф. – В ту же секунду он заметил, что мотылек рискнул подлететь слишком близко к манящему пламени. Изыщные крылышки вспыхнули, и насекомое превратилось в тлеющий комочек. – Вам что-нибудь известно о новом лорде Тренире?

– Его зовут Девон Рейвенел. По всем сведениям, его любят в Гэмпшире, и он вполне компетентно ведет дела поместья. – Уэстклиф помолчал. – Мне кажется, он женился на молодой вдове прежнего графа, что, конечно, не является противозаконным, но заставило многих приподнять брови.

– У нее, должно быть, была весома вдовья часть, – цинично заметил Габриель.

– Возможно. В любом случае я не ожидаю, что лорд Тренир будет возражать против вашего брака с леди Пандорой.

Рот Габриеля дернулся.

– Поверьте, он будет несказанно рад избавиться от нее.

Большинство особняков на Саут-Одли-стрит, в центре Мейфэра, были стандартными домами в георгианском стиле со множеством колонн. Однако Рейвенел-хаус представлял собой яacobинскую усадьбу в три этажа с балконами по фасаду и высокой крышей, оштетинившейся длинными дымовыми трубами. Большой холл украшали дубовые панели, обильно покрытые резьбой, а лепнина на белом потолке изображала мифических животных. Стены были под драпировками, вдоль них расставлены французские фарфоровые вазы с росписью в китайском стиле, где стояли букеты свежесрезанных цветов. Судя по спокойной обстановке, Пандора еще не вернулась.

Дворецкий провел его в хорошо обставленную гостиную и объявил о визитере. Когда Габриель переступил порог и поклонился, Девон Тренир поднялся, чтобы ответить на приветствие.

Новый граф Тренир оказался высоким, широкоплечим, не старше тридцати, с темными волосами и пронзительным взглядом. Он был дружелюбен, спокоен и уверен, чем сразу понравился Габриелю.

Его жена Кэтлин, леди Тренир, осталась сидеть на софе.

– Добро пожаловать, милорд. – Одного взгляда было достаточно, чтобы Габриель отказался от недавнего предположения, что Тренир женился по расчету. Во всяком случае, денежный вопрос здесь явно не превалировал. Она была очаровательной женщиной, по-кошачьи изящной, с продолговатыми карими глазами. То, как рыжие кудряшки непокорно выскакивали из-под шпилек, напомнило ему о его матери и старшей сестре.

– Прошу извинить мое внезапное вторжение, – начал Габриель.

– Не трудитесь, – легко откликнулся Тренир. – Для меня удовольствие познакомиться с вами.

– Вы можете переменить мнение, после того как я объясню цель моего визита. – Габриель почувствовал, что заливается краской, когда встретил испытующие взгляды хозяев. Злой и ошеломленный, оказавшись перед дилеммой, которая напоминала откровенный фарс, он решительно продолжил с каменным лицом: – Я приехал прямиком с бала у Човортов. Возникли... непредвиденные обстоятельства... И их нужно разрешить как можно скорее. – Я... – Габриель замолчал, чтобы прочистить горло. – Я, судя по всему, скомпрометировал леди Пандору.

В комнате воцарилась мертвая тишина.

В другой ситуации Габриеля позабавили бы озадаченные лица графа и графини.

Леди Тренир первой пришла в себя.

– Что вы имеете в виду, говоря «скомпрометировал», милорд? Вас подслушали, когда вы с ней флиртовали, или, может, вели какую-то частную беседу?

– Меня обнаружили наедине с ней. В садовой беседке за домом.

Снова повисла вселенская тишина, затем граф резко спросил:

– Что вы там делали?

– Помогал ей подняться со скамьи.

Леди Тренир была совершенно сбита с толку.

– Это исключительно любезно с вашей стороны, но почему...

– Говоря «помогал подняться», – продолжал Габриель, – я хотел сказать, что вытаскивал ее... Каким-то образом она умудрилась втиснуть верхнюю часть туловища в отверстие, вырезанное в спинке скамьи, и не смогла самостоятельно выбраться оттуда, не порвав платье.

Тренир потер лоб, а потом, приложив ладони к глазам, тихо произнес:

– Похоже на Пандору. Позвоню, чтобы принесли бренди.

– И три бокала, – уточнила жена, а потом ее взгляд вернулся к Габриелю. – Лорд Сент-Винсент, сядьте рядом со мной, пожалуйста, и расскажите толком, что случилось.

Когда он исполнил ее просьбу, графиня собрала клубки ниток, иголки, наперсток и лоскуты ткани и рассеянно сунула их в корзину у своих ног.

Подробно, насколько это было возможно, Габриель изложил события вечера, опустив при этом все, что имело отношение к Долли, хотя он не обещал хранить секрет легкомысленной подружки Пандоры.

К ним подошел Тренир, опустился рядом с женой и стал напряженно слушать. Лакей принес бренди, хозяин разлил напиток по бокалам.

Сделав бодрящий глоток, Габриель почувствовал, как пронзительный жар потек вниз по горлу.

– Даже если Човорт решит, что не надо поджаривать мои ступни на огне, – сказал он, – все равно репутация леди Пандоры погублена окончательно. Ей не следовало покидать бальный зал.

Плечи леди Тренир опустились, как у провинившейся школьницы.

– Это я виновата. Я уговорила Пандору принять участие в сезоне.

– Не начинай, ради бога, – мягко сказал граф. – Ни в чем ты не виновата. Мы все уговаривали Пандору выйти в свет. В ином случае она сидела бы дома, пока Кассандра ездила по балам и приемам.

– Если заставить Пандору выйти замуж, это ее сломает.

Взяв в ладони маленькую руку жены, Тренир переплел их пальцы.

– Никто не будет давить на Пандору. Будь что будет. Они с Кассандрой всегда смогут рассчитывать на мою защиту.

Полные нежности карие глаза графини засияли, когда она улыбнулась ему:

– Мой дорогой муж, ты сказал это, даже не задумываясь, да?

– Ты права.

Габриель был в замешательстве – нет, был сбит с толку – тем, как они обсуждали ситуацию: будто у них имелся выбор. Господи боже, неужели ему действительно придется объяснить, что бесчестье грозит всей семье? Что пострадают их дружеские связи, пошатнется положение в обществе? Что Кассандра никогда не составит достойной партии?

Леди Тренир вновь повернулась к гостю. Оценив его озадаченный вид, осторожно сказала:

– Милорд, я должна объяснить вам, что Пандора не обычная девушка. Она свободолюбива и неординарно мыслит. И... немного импульсивна.

Это описание настолько не соответствовало идеалу приличной английской невесты, что Габриель почувствовал, как желудок ухнул вниз, словно каменный жернов.

– Она и ее сестры, – продолжала леди Тренир, – выросли в абсолютном уединении, в семейном загородном поместье. Они хорошо образованны, но совершенно не искушены. Первый раз, когда я познакомилась с ними – это случилось в день нашей свадьбы с их братом Тео, – они, казалось, составляли трио... лесных фей или нимф – в общем, каких-то существ из волшебных сказок. Хелен – старшая, была тихая и застенчивая, но близняшки носились по поместью, предоставленные самим себе.

– Почему родители допускали это? – спросил Габриель.

В разговор вступил граф:

– Родители презирали дочерей. Единственный ребенок, которого они ценили, был их сын.

– Вот что мы пытаемся донести до вас, – серьезно сказала леди Тренир. – Пандора никогда не расцветет рядом с мужем, который будет относиться к ней как к... – ладно! – как к заурядной женщине. Ей нужен кто-то, кто сумеет оценить ее уникальные качества.

Покрутив напитоком в бокале, Габриель прикончил его в два больших глотка, понадеявшись, что это поможет освободиться от ужаса, который концентрировался в желудке.

Не помогло.

И ничто не могло привести его в чувство в связи с только что случившимся катастрофическим поворотом в его жизни.

Он никогда не рассчитывал заключить брак такой, каким были связаны его родители: на целой земле лишь единицы могут обрести счастье, но Габриель по крайней мере надеялся жениться на образованной и уважаемой леди, которая будет достойно вести дом и заниматься воспитанием детей.

Вместо этого ему, судя по всему, уготовано взять в жены неординарно мыслящую лесную фею.

Габриель не мог представить всех последствий такого союза: для фамильных поместий, для арендаторов, для слуг. Уже не говоря о потомстве. Господи, ведь она даже не понимает, как нужно заботиться о детях.

Отставив в сторону пустой бокал, он решил отправиться домой, чтобы утешиться целой бутылкой. Или лучше так – нанесет визит любовнице, и в ее объятиях найдет временное забытие. Все, что угодно, было лучше, чем сидеть здесь и обсуждать своеобразную молодую особу, которой в течение каких-то десяти минут удалось полностью разрушить его жизнь.

– Тренир, – мрачно проговорил Габриель, – если вы найдете какое-то другое решение проблемы, кроме свадьбы, клянусь, я под скрипку спляшу кейли на ступенях собора Святого Павла. Но, полагаю, что вместо кейли, исполню свадебный марш. Буду ждать вашего решения в моей лондонской резиденции.

С порога комнаты раздался дерзкий голос:

– Это мое решение, и я уже сказала «нет».

Габриель вскочил с места, за ним поднялся Тренир, когда Пандора вошла в комнату. За Пандорой следовала ее сестра близняшка, очаровательная белокурая девушка, а также Элеонора, леди Бервик.

Платье на Пандоре было в полном беспорядке, лиф съехал в сторону, куда-то делись перчатки. На плече отчетливо виднелись красные царапины. Заколки повывлетали, в результате чего прическа развалилась, и густые, тяжелые, цвета черного кофе локоны спускались до талии. Ее полудетская фигурка слегка дрожала, как у дикого олененка, попавшего в западню. От нее исходила энергия или... Для определения этой субстанции, судя по всему, не имелось подходящего слова, однако Габриель ощущал, как непреодолимое напряжение съедает расстояние между ними. Каждый волосок на его теле – каждый отдельно – уже был полон жаркого, гулкого знания о ней.

О, дьявол! С трудом оторвав зачарованный взгляд от этого невероятного создания, Габриель поклонился леди Бервик и пробормотал:

– Графиня, рад видеть вас.

– Лорд Сент-Винсент. – Он не ошибся: в глазах леди Бервик светилось удовлетворение, когда та рассматривала дотоле неуловимого холостяка, теперь пойманного. – Вы ведь знакомы с леди Пандорой, вне всякого сомнения. – Выставив вперед светловолосую девушку, леди Бервик представила ее: – А это ее сестра, леди Кассандра.

Кассандра грациозно присела в реверансе:

– Милорд.

Она была мила, скромна, волосок к волоску, каждая оборка на своем месте. Глаза застенчиво потуплены, не поднимаются выше булавки на его галстуке. Прелестная девушка! Но не героиня его романа...

Пандора напрямиком направилась к Габриелю, чего не осмелилась бы сделать ни одна молодая леди. У нее были потрясающие глаза – темно-синие, обведенные черной линией по краям

радужки, словно сапфир, обуглившийся по краям. Черные брови вразлет четко выделялись на белоснежном лице. От нее пахло ночным туманом и маттиолой, с легкой отдушкой женского пота. Этот аромат возбуждал. Все его мускулы напряглись, как тетива лука.

– Я знаю, вы пытаетесь поступить благородно, милорд, – обратилась она к нему. – Но я не нуждаюсь в том, чтобы защищали меня или мою репутацию. Пожалуйста, отправляйтесь домой.

– Придержите язык, – угрожающе прошипела леди Бервик. – Вы с ума сошли?

Пандора, резко обернувшись к патронессе, сказала:

– Я не сделала ничего дурного. По крайней мере, ничего страшного настолько, чтобы меня выдали замуж в наказание.

– Это ваши старшие решат, что будет дальше, – отрезала леди Бервик.

– Но это мое будущее. – Взгляд Пандоры вернулся к Габриелю. Ее голос зазвучал более настойчиво: – Пожалуйста, уезжайте. Пожалуйста!

В отчаянии девушка старалась овладеть ситуацией. Либо она не понимала, либо не хотела принять тот факт, что все это походило на попытку остановить на ходу мчавшийся локомотив.

Габриель стоял и ломал голову над тем, как ей ответить. Его воспитала любящая мать, он рос вместе с двумя сестрами, и поэтому понимал женщин много лучше, чем любой мужчина. Однако эта девушка была совершенно другой, она не вписывалась в его опыт.

– Я ухажу, – сказал Габриель. – Но эту ситуацию ни вам, ни мне нельзя игнорировать слишком долго. – Он протянул визитную карточку Трениру. – Милорд, вам явно придется много чего обсудить со своей семьей. Прошу засвидетельствовать мое почтение – предложение леди Пандоре не ограничено во времени.

Но прежде чем Тренир успел отреагировать, Пандора выхватила карточку из рук Габриеля.

– Я не хочу выходить за вас, вы это понимаете? Уж лучше пусть мною выстрелят из пушки по солнцу. – И порвала визитку на мелкие кусочки.

– Пандора! – со злостью воскликнула леди Бервик. Обрывки бумаги разлетелись по полу.

Ни Пандора, ни Габриель не обратили на нее никакого внимания. Когда их глаза встретились, комната, в которой они находились, словно исчезла.

– Послушайте, любезный, – деловито заговорила Пандора. – Наш брак даже не обсуждается.

Любезный! Любезный? Габриель развеселился и разозлился одновременно. Она действительно обращается к нему как к мальчику на побегушках?

– Мне никогда не хотелось выйти замуж, – продолжала Пандора. – Любой, кто знает меня, подтвердит. Когда я была маленькой, то не любила истории про принцесс, которые ждут, чтобы их освободили. Я никогда не загадывала желания на падающие звезды, никогда не терзала ромашки – «любит, не любит». На свадьбу моего брата всем незамужним девушкам раздали куски свадебного торта и сказали, что если съесть его в спальне и крошки насыпать под подушку, то во сне можно увидеть своего будущего мужа. Я свой кусок съела до последней крошки. В моих планах на жизнь нет пункта, согласно которому я стану чьей-то женой.

– Что за планы? – поинтересовался Габриель. Как такое может быть, что девушка с ее положением, с такой внешностью придумывает планы, в которые не входит возможность замужества?

– Это не ваше дело, – отрезала она.

– Я понял, – успокоил строптивницу Габриель. – Есть только одна вещь, о которой мне хочется спросить. Что вы делали на балу, если не хотите замуж?

– Я подумала, что там будет не так скучно, как дома. К тому же не каждая девушка, которая приходит на бал, мечтает стать Золушкой.

– Если начался сезон шотландских куропаток, – ядовито заметил Габриель, – а вы водите компанию со стайей этих созданий, вышагивая вместе по пустоши, то не будет ли лицемерием просить стрелка делать вид, что вы не куропатка?

– Значит, вот так мужчины думают об этом? Тогда нет ничего удивительного в том, что я ненавижу балы. – Пандора источала презрение. – Мне очень жаль, что помешала вашей счастливой охоте на пустоши.

– Я не охотник на невест, – отмахнулся он. – Я не больше вашего заинтересован в женитьбе.

– Тогда почему вы оказались на балу?

– Чтобы посмотреть на фейерверк!

После короткой, словно наполненной электрическими разрядами паузы Пандора резко наклонила голову. Он увидел, как у нее задрожали плечи, и на один, полный тревоги миг ему показалось, что она заплакала, но тут же услышал сдавленное фырканье, затем тихое хихиканье и понял, что она... Смеется?

– Ну что ж, – наконец тихо произнесла Пандора. – Вам это удалось.

Еще до того, как понял, что делает, Габриель взял девицу за подбородок и поднял ей голову. Она попыталась скрыть веселость, но ей мало это удалось. Шутовские смешки исподтишка, прерываемые каким-то мышинным попискиванием, продолжались, а синие глаза искрились пугливыми звездами, выходящими на небо. От ее усмешки в голове стало пусто.

К дьяволу!

От его раздражения не осталось и следа. Оно сменилось буйством внутреннего жара и восхищением. Сердце заколотилось с удвоенной силой от желания остаться с ней наедине, окунуться с головой в эту энергию. Внутри как будто вспыхнул костер, и он захотел ее. Он хотел ее! Хотел безрассудно, целиком отдаваясь своему желанию, чего никогда не делал, старательно скрывал в себе. Но все это не имело смысла. Он был цивилизованным человеком, опытным, с изощренным вкусом, а она... Господи, а она-то кто?

Веселость Пандоры иссякла. Она что-то заметила в его взгляде, и от этого легкий румянец разлился по ее лицу. Под пальцами лорда кожа у нее вдруг стала горячей.

Габриель неохотно опустил руку:

– Я вам не враг.

– Но и не жених.

– Это пока.

– И никогда им не станете.

Габриелю захотелось заключить ее в объятия и зацеловать до бесчувствия. Вместо этого он холодно заметил:

– Скажете мне об этом через несколько дней, и я, может, вам поверю. А пока... – Он достал из кармана сюртука другую визитную карточку. – ...Я собираюсь передать ее лорду Трениру.

Лорд Сент-Винсент бросил на Пандору насмешливый взгляд, от которого его сестры приходили в бешенство... И протянул карточку перед ее лицом.

Как он и предполагал, Пандора не смогла противостоять такому вызову и попыталась выхватить карточку. Однако Габриель сделал так, что визитка исчезла, будто испарилась, прежде чем девушка смогла дотронуться до нее. Этому фокусу он научился у карточных шулеров еще мальчишкой, когда навевывался в «Дженнерс».

Выражение лица Пандоры изменилось, она удивленно раскрыла глаза:

– Как вам это удалось?

Проворно Габриель заставил визитку появиться вновь.

– Научитесь вежливо просить, – посоветовал он, – и тогда я, может, покажу, как это делается.

Ее брови опустились.

– Не беспокойтесь. Мне неинтересно.

Но он понимал, что это ложь. Правда читалась в ее глазах. Ей было интересно! Как бы она ни пыталась это скрыть.

И, помоги ему Господь, он тоже был полон интереса.

Глава 3

Два вечера спустя после бала у Човорта Габриель играл сам с собой на бильярде в частных апартаментах над клубом «Дженнерс». Роскошное помещение, где когда-то жили родители на первых порах после свадьбы, сейчас служило нуждам семейства Шоллон. Рафаэль, его младший брат, который обычно дневал и ночевал в клубе, в данный момент находился в поездке по Америке. Шоллоны, владевшие компанией по строительству железных дорог, откомандировали Рафаэля за океан, дабы договориться о поставках больших объемов бруса из американской сосны. Американская сосна ценилась за прочность и гибкость, и ее использовали для изготовления железнодорожных шпал. Сейчас эта древесина была в большой цене.

В отсутствие беззаботного, общительного Рафаэля обстановка в клубе стала другой, но коротать здесь одиночество было легче, чем в упорядоченной тишине его дома на Куинс-Гейт. Габриелю нравилась полная комфорта мужская атмосфера, сдобренная ароматами дорогих напитков, трубочного табака, мебельной обивки из марокканской кожи и манящим запахом зеленого сукна. Это благоухание всегда напоминало ему времена юности, когда он увязывался за отцом в клуб.

Годами герцог практически каждую неделю являлся в «Дженнерс», чтобы увидеться с управляющими и тщательно изучить бухгалтерские книги. Его жена Эви унаследовала клуб от своего отца, бывшего профессионального боксера Иво Дженнера. Клуб представлял собой неумоимо работавшую финансовую машину, огромные прибыли от которой позволили герцогу увеличить сельскохозяйственное производство в загородных поместьях, вложиться в недвижимость и создать разветвленную империю инвестиций. Игрный бизнес, конечно, был противозаконным, но половина парламентариев состояли членами клуба «Дженнерс», что делало его практически неуязвимым для судебного преследования. Для мальчишки, ограниченного домашними стенами, посещение клуба с отцом обязательно становилось событием. Здесь всегда можно было увидеть и узнать что-то новое. Мужчины, с которыми знакомили Габриеля, сильно отличались от предупредительных слуг и исполненных почтения арендаторов в поместье. Покровители и штат клуба говорили на вульгарном языке, сыпали непристойными шуточками, учили его карточным трюкам и уловкам. Иногда Габриель садился на высокий стул у круглого стола, за которым играли в кости, чтобы понаблюдать, как делают высокие ставки. Обычно на его плече лежала отцовская рука. Вот так, под защитой отца, Габриель становился свидетелем того, как за одну ночь выигрывались или проигрывались целые состояния: все зависело от броска костей.

Когда Габриель подрос, крупье стали учить его математике возможностей и вероятностей. Они также показали ему, как обнаружить кости с грузилом и меченые карты. Габриель познакомился с сигналами людей, вступивших в сговор: подмигиваниями, кивками, пожатием плеч, и с прочими едва различимыми приемами, которыми пользуются шулера. Он понял, как жульничают мошенники, когда пользуются мечеными картами, как прячут их либо подменяют. Во время посещений клуба он очень много узнал о природе человека, даже не осознавая этого.

Много лет спустя он понял, что, приводя его в «Дженнерс», отец давал ему уроки житейской мудрости, готовил к будущей жизни, когда люди могут попытаться использовать его к собственной выгоде. Такие уроки пошли ему на пользу. Когда Габриель, наконец, вылетел из гнезда, то быстро обнаружил, что, как наследник герцога Кингстона, стал мишенью для многих.

Выставив пять белых шаров в центре поля, Габриель приготовился нанести удар красным битком в противоположный угол. Методично, по очереди он положил все белые шары точно в одну лузу. Ему всегда нравился бильярд с его выбором угла для удара, с неповторяющимся рисунком расположения шаров. Определенно игра помогала приводить мозги в порядок, когда требовалась ясность мысли.

Сделав последний удар, Габриель почувствовал, что кто-то стоит в дверях. Не распрямляясь, он поднял глаза и встретил ясный и энергичный взгляд. Усмешка появилась на его губах.

– Я все думал, сколько времени тебе понадобится, чтобы узнать обо всем.

Обманчиво равнодушный герцог Кингстон вошел в комнату. Себастьян всегда был в курсе светской жизни Лондона, даже когда месяцами не покидал Суссекса.

– Пока мне поведали три разные версии этой истории.

– Выбери самую плохую, и я ее подтвержу, – сухо предложил Габриель, откладывая в сторону кий. Для него было большим облегчением видеть отца, который всегда являлся неиссякаемым источником уверенности и душевного комфорта. Обменявшись решительными рукопожатиями, отец и сын коротко обнялись. Такое проявление чувств было несвойственно знати, однако кто сказал, что они обычная семья?

После добродушного похлопывания по спине Себастьян отстранился и окинул сына взглядом, полным внимания и заботы, что оживило в Габриеле давние воспоминания. От отца не ускользнул его усталый вид. Легким движением он взъерошил волосы Габриеля, словно тот был еще мальчишкой.

– Похоже, спать сегодня ты не ложишься.

– Большую часть ночи прокутил с друзьями, – признался сын. – Все закончилось, когда мы упились настолько, что не могли понять, где верх, где низ.

Усмехнувшись, Себастьян снял плащ и бросил на стул.

– Мы так прощаемся с холостяцкими денечками, верно?

– Точнее сказать – барахтаемся, чтобы выплыть, как тонущая крыса.

– Что одно и то же. – Физически активная жизнь в городке Херонс-Пойнт, где находилось семейное поместье, позволила ему сохраниться и выглядеть раза в два моложе своего возраста. От постоянного пребывания на солнце его волосы покрылись позолотой, а лицо загаром. На этом фоне светло-голубые глаза сияли с потрясающей силой.

В отличие от своих сверстников, которые превратились в степенных и солидных мужей, герцог стал даже еще более энергичным не в последнюю очередь потому, что его младшему сыну едва исполнилось одиннадцать лет. Герцогиня Эви забеременела неожиданно, после долгого перерыва, когда уже начала думать, что больше не сможет родить. Так и получилось, что последняя дочь Серафина оказалась старше малыша на восемь лет. Эви была крайне смущена, обнаружив, что носит ребенка. Это в ее-то возрасте! Вдобавок муж начал подтрунивать над ней, заявляя, что она – ходячее подтверждение его мужской силы. И в самом деле, Себастьян стал держаться с большей значимостью во время ее последней беременности.

Их пятый ребенок был красивым мальчиком с темно-рыжими волосами, как у ирландского сеттера. Его окрестили Майклом Иво, но как-то так получилось, что задиристое второе имя подошло ему больше, чем первое. Превратившийся теперь в живого, неунывающего подростка, Иво сопровождал отца практически повсюду.

– Начинай, – сказал Себастьян, перебирая кии на стойке в поисках любимого. – Мне нужна фора.

– Черта лысого! – спокойно парировал Габриель, выставя шары. – В прошлый раз ты продул мне только потому, что слишком часто позволял Иво бить вместо себя.

– Я предвидел проигрыш и просто прикрылся мальчишкой.

– А где Иво? Ни за что не поверю, что парень добровольно остался в девичьей компании.

– Он чуть не вышел из себя, – с сожалением сказал Себастьян. – Но я объяснил ему, что твоя ситуация требует моего индивидуального внимания. Как обычно, я кладезь полезных советов.

– О господи!

Габриель наклонился над столом. Он ударил по битку, который, в свою очередь, угодил по желтому шару и загнал его в лузу. Два очка. Следующим ударом отправил в лузу красный шар.

– Отличная работа, – похвалил отец. – Ну ты и дока!

Габриель фыркнул:

– Ты бы так не сказал, если бы увидел меня на балу у Човортов два дня назад. Обозвал бы круглым идиотом – и правильно! – за то, что попал в брачную ловушку наивной девчонки.

– Любой бык, как ни упирается, ярма не избежит. – Себастьян обошел стол, выбирая место для удара, потом с блеском исполнил его. – Как ее зовут?

– Леди Пандора Рейвенел. – Продолжая игру, Габриель рассказывал с отвращением: – Я вообще не собирался идти на этот чертов бал. Меня затащили туда друзья. Они рассказали, что Човорт заплатил целое состояние артели, которая запускает фейерверки. На бал мне было наплевать, поэтому я спустился к реке, чтобы посмотреть, как рабочие устанавливают ракеты. А на обратном пути... – Он замолчал, выполняя карамболь – удар, когда выбивают два шара одновременно. – ...Мне посчастливилось услышать, как в летней беседке девушка бранится на чем свет стоит. Оказывается, она застряла в спинке скамьи с задранной вверх задницей, и платье у нее зацепилось за элементы резного орнамента.

У его отца глаза заблестели от удовольствия.

– Чертовски умная приманка! Ни один не устоит.

– Как идиот, я решил помочь, но прежде чем мне удалось вытащить ее оттуда, на нас налетели лорд Човорт и Уэстклиф. Последний, конечно, предложил держать язык за зубами, но Човорт решительно настроился меня наказать. – Габриель многозначительно посмотрел на отца. – Словно сводит какие-то старые счета.

– Как-то случился короткий флирт с его женой, – с виноватым видом признался Себастьян. – Еще за несколько лет до того, как я женился на твоей матери.

Габриель небрежно ударил кием, и шар бесцельно закрутился по столу.

– Теперь репутация девушки подмочена, и я должен на ней жениться. Предложение на этот счет, надо сказать, вызвало в ней бурю протеста.

– Почему?

– Возможно потому, что я ей не нравлюсь. Как сам можешь представить, обстоятельства нашего знакомства были далеки от романтических.

– Нет, я спрашиваю, почему ты должен на ней жениться.

– Потому что так поступать – дело чести. – Габриель помолчал. – Разве ты не этого от меня ждешь?

– Ни в коем случае. Это твоя матушка ждет, что ты поступишь благородно. Я, однако, был бы безмерно счастлив, если бы ты каким-нибудь неблагородным способом выпутался из этой ситуации. – Наклонившись, Себастьян прищурился, нацеливаясь нанести удар, потом искусно уложил красный шар в лузу. – На девушке должен кто-то жениться, – беззаботно заявил он, – но не обязательно ты. – Вернув красный шар на поле, Себастьян перешел к центру стола. – Мы купим ей мужа. В наши дни большинство семей самого благородного происхождения сидят по уши в долгах. За приличную сумму они с радостью предложат одного из своих породистых отпрысков.

Задержавшись взглядом на отце, Габриель обдумывал слова отца. Можно было бы всучить Пандору кому-нибудь другому: пусть она станет проблемой для кого-то еще. Она получит законного супруга, а он – свободу.

Вот только...

Вот только он не мог перестать думать о Пандоре, которая стала для него вроде навязчивой музыки, постоянно звучащей в ушах. Она настолько завладела им, что он перестал

навещать свою любовницу, понимая, что даже Нола с ее обширным любовным репертуаром не сможет отвлечь его.

– Ну и?.. – напомнил отец о своем присутствии.

Погруженный в свои мысли, Габриель ответил не сразу:

– Идея интересная.

Себастьян насмешливо глянул на него.

– Вообще-то я ожидал другого ответа – что-то вроде: «Да, великий Боже, я сделаю все, чтобы избежать пожизненных оков с девицей, которую не выношу».

– Я не говорил, что не выношу ее, – раздраженно возразил Габриель.

Себастьян посмотрел на сына со слабой улыбкой, а после паузы подстегнул разговор вопросом:

– Там есть на что посмотреть?

Подойдя к буфету, Габриель налил себе бренди и пробормотал:

– Она чертовски хороша.

Все более заинтересованный, отец спросил:

– Тогда в чем проблема?

– Она прелестная маленькая дикарка, изначально неспособная держать язык за зубами, не говоря уж о своеобразии – ходит на балы, но не танцует, только сидит в углу. Двое приятелей, с которыми я пил прошлой ночью, рассказали, что приглашали ее на вальс. Одному девушка отказала, заявив, что лошадь, запряженная в карету, отдала ей ногу, а другому – что дворецкий случайно прищемил ей ногу дверью. – Сделав еще один глоток бренди, Габриель мрачно закончил: – Нет ничего удивительного в том, что она – желтофиоль.

Себастьян, который уже начал посмеиваться, судя по всему, поразился, услышав последний комментарий сына.

– Ага, – негромко произнес герцог. – Это многое объясняет. – Он замолчал, погружившись в какие-то отдаленные, явно сладостные воспоминания. – Опасные создания эти желтофиоли. К ним нужно относиться с особой осторожностью. Они тихо сидят по углам, притворяясь всеми брошенными и забытыми, хотя на самом деле являются сиренами, которые привлекают мужчин и ведут к катастрофе. Ты даже не заметишь момента, как она вытащит сердце у тебя из груди и заберет себе. Серые мышки никогда не возвращают сердца назад.

– Ты наконец перестанешь ерничать? – Габриеля начал раздражать полет отцовской фантазии. – У меня серьезная проблема, которая требует разрешения.

Все так же улыбаясь, Себастьян взял кусочек мела и натер конец кия.

– Извини. Погрузился в воспоминания. Продолжай.

– В сущности, Пандора мне не нужна, разве что в постели... Она что-то новенькое. А когда ощущение новизны пройдет, примерно через неделю, я взвою от скуки. Более того, по темпераменту она не годится мне в жены. И никому не сгодится. – Габриелю пришлось прикончить бренди, прежде чем он смог хрипло признать: – Помимо всего прочего... я не желаю, чтобы кто-нибудь другой касался ее.

Опершись ладонями о край стола, он слепо уставился в зеленое сукно.

Реакция отца оказалась неожиданно оптимистичной.

– Что ж, мой дорогой мальчик... Каждая женщина – загадка. И не для того, чтобы ее разгадывали, а чтобы ею наслаждались. – Взяв в руки шар, Себастьян подбросил его вверх и ловко поймал. – Твоя леди Пандора молода – время это исправит. Она девственница – ну, эта проблема легко решается. Твое отвращение к скуке супружества всего лишь, извини меня, верх заносчивости. Эта девушка кажется какой угодно, но только не скучной. Скорее всего, она доставит тебе наслаждения больше, чем миссис Блэк.

Габриель бросил на него предостерегающий взгляд.

Отец не делал секрета из того, что не одобряет связи сына с женой американского посла. Миссис Нола Блэк, молодая красивая супруга бывшего офицера армии Союза, чьи боевые раны не позволяли убажывать ее в супружеской спальне, пользовалась любой возможностью получить удовольствие на стороне.

Последние два года Нола потакала любому желанию Габриеля. Их встречи были свободны от моральных и прочих обязательств. Она прекрасно знала, когда нужно нажать, чтобы сдвинуть границы дозволенного, когда предложить что-то новенькое, дабы поддержать в нем интерес и удовлетворить его страсть. Габриелю не нравилось, что она замужем, возмущал ее нрав, а последнее время он начал понимать, что эта интрижка превращает его в худшую версию самого себя, однако продолжал встречаться.

– Никто не доставит мне большего удовольствия, чем миссис Блэк, – с трудом произнес Габриель. – В этом и проблема.

Отец медленно опустил кий, лицо его было невозмутимым.

– Ты нафантазировал себе, что влюблен в нее?

– Нет! Господи, нет. Это просто... Я... – Нагнувшись, Габриель потер шею, по которой вдруг побежали мурашки. Несмотря на то что они с отцом всегда свободно говорили на разные темы, им редко приходилось обсуждать интимные темы. Себастьян – слава богу! – не принадлежал к тем, кто лезет в личную жизнь своих сыновей.

Для Габриеля не существовало простого способа описать темные стороны своего характера, да он и не горел особым желанием вглядываться в них. Как старший сын семьи Шоллон он всегда старался соответствовать самым высоким меркам – своим собственным и мнению света. С юношеских лет Габриель был уверен, что титул его семьи, ее богатство и влияние вызывают зависть у части общества. Полный решимости доказать собственную состоятельность, он получал высокие оценки в Итоне, а потом в Оксфорде. Когда его сверстники пытались на кулаках показать ему, кто главный, или превзойти его в спорте, Габриель принимал вызов и побеждал. Как только он чувствовал собственную слабость, то начинал работать, чтобы преодолеть ее. По окончании университета он взвалил на себя все финансовые дела семьи, сделал собственные инвестиции в новые проекты и заработал хорошие деньги. Во многих сферах жизни это был человек жесточайшей самодисциплины, мужчина, который всерьез относился к взятым на себя обязательствам.

Но существовала еще и другая сторона, связанная с любовными утехами, со склонностью к излишествам и ставшая серьезным препятствием в попытках быть безупречным.

Габриелю пока не удалось найти способ примирить противоположные части своей натуры. И он сомневался, что когда-нибудь найдет. Единственное, что не вызывало в нем сомнения, – Нола Блэк сделает все, что он пожелает, и так часто, как ему потребуется, и что он ни с кем не обретет такого утешения, как с ней.

Вспыхнув, Габриель попытался объяснить это, но так, чтобы не показаться развратным чудаком.

– Проблема в том, что мне требуется особое... Как бы... Она позволяет мне... – И замолчал, выругавшись про себя.

– У любого мужчины свои предпочтения, – благоразумно заметил Себастьян. – Сомневаюсь, что твои как-то уж жутко шокируют.

– Представление о шокирующем у твоего поколения сильно отличается от моего.

Последовала короткая, полная обиды пауза. Когда Себастьян заговорил снова, его голос был сух, как трут:

– Древнее и дряхлое ископаемое, кем я, собственно, и являюсь, тем не менее остатками своего старческого мозга сумело ухватить то, что ты пытаешься выразить. Ты так долго предавался распутным плотским удовольствиям, что чувствуешь себя лишенным всяческих иллюзий. Разные пустячки, от которых другие мужчины приходят в раж, тебя оставляют равнодуш-

ным. Скучная прелесть невинности никогда не сможет соперничать с губительными талантами твоей любовницы.

Потрясенный Габриель смотрел на него во все глаза.

Отец был полон сарказма.

– Уверяю тебя, мой мальчик, половую распущенность придумали задолго до твоего рождения. Развратные либертины времен моего дедушки предавались таким утехам, которые заставили бы покраснеть самих сатиров. Мужчины нашего круга стремятся заполучить как можно больше удовольствий, даже в ущерб себе. Совершенно определенно я не был святым до того, как женился, и, видит Бог, не рассчитывал найти счастье до конца своих дней в объятиях лишь одной женщины. Но нашел, а значит, не исключено, что и ты найдешь.

– Это ты так говоришь.

– Да, именно так я говорю. – Задумчиво помолчав, Себастьян продолжил: – Почему бы тебе не пригласить Рейвенелов в Херонс-Пойнт на недельку? Дай девушке шанс, познакомься с ней поближе, прежде чем принимать окончательное решение.

– Для этого не требуется приглашать все семейство в Суссекс. Для меня удобнее встретиться с ней в Лондоне.

Отец покачал головой.

– Тебе нужно провести несколько дней вдали от своей любовницы, – откровенно сказал он. – Человек с разборчивым вкусом, как у тебя, сможет насладиться новым блюдом, лишь когда перестанет замечать ароматы прежнего.

Нахмурившись, Габриель задумался. С каждым следующим днем слухи о пикантной ситуации на балу у Човорта распространялись все шире. Нола прислала уже штук десять записок, требуя опровергнуть или подтвердить сплетни. Рейвенелы должны были отбиваться от таких же вопросов, и наверняка будут рады воспользоваться возможностью уехать из Лондона. Поместье в Херонс-Пойнте с его одиннадцатью тысячами акров роц, лесов, полей, с нетронутой береговой линией обеспечивало полное уединение.

Он прищурился, увидев на лице отца благодушное выражение.

– Почему ты это предлагаешь? Не стоит ли тебе быть более привередливым, ведь речь все-таки идет о будущей матери твоих внуков?

– Тебе уже двадцать восемь лет, и что-то я не вижу никакого намека на наследника. Поэтому меня не очень волнует, на ком ты женишься. Прошу лишь об одном: порадай нас внуками до того, как мы с матерью станем совсем дряхлыми и не сможем взять их на руки.

Габриель искоса посмотрел на отца:

– Не очень-то рассчитывай на леди Пандору. По ее мнению, выйти за меня замуж будет самым ужасным из того, что когда-либо случилось с ней.

Себастьян улыбнулся:

– Замужество – обычно самое ужасное из того, что случается с женщинами. К счастью, их это никогда не останавливало.

Глава 4

Пандора поняла, что ее ожидают дурные вести, когда Девон позвал ее к себе в кабинет и при этом не пригласил спуститься вниз Кассандру. Хуже того, там не будет Кэтлин, которая всегда выступала в качестве буфера между мужем и Пандорой. Во второй половине дня она отправилась навестить Хелен, которая все еще соблюдала постельный режим, после того как полторы недели назад родила здоровенького мальчика. Крепкий темноволосый младенец, которого назвали Тарон, был копией своего отца.

«Только симпатичнее, слава богу!» – сказал мистер Уинтерборн, усмехнувшись. Имя малыша было производным от валлийского слова, обозначающего гром, и пока ребенок оправдывал его в полной мере каждый раз, когда испытывал голод.

Беременная Хелен находилась под наблюдением доктора Гаррет Гибсон, штатного врача в универмаге мистера Уинтерборна. Первая среди немногих в Англии женщин, получивших сертификат на терапевтическую и хирургическую деятельность, доктор Гибсон обладала высокой квалификацией в современных методах лечения. Она отнеслась с особой заботой к Хелен, у которой возникли трудности во время родов и развилась средней тяжести анемия из-за обильной кровопотери. Доктор прописала ей принимать пилюли с железом и велела оставаться в постели. Состояние Хелен улучшалось с каждым днем.

Тем не менее мистер Уинтерборн, который был исключительно заботливым человеком по натуре, каждую свободную минуту проводил с женой, забывая об огромном количестве дел, которые ожидали его в магазине. Как ни успокаивала его Хелен, говоря, что ей не грозит ни родильная горячка, ни другие опасные недуги, он практически дежурил у ее постели. Большую часть времени Хелен проводила за чтением, ухаживала за ребенком и играла в тихие игры со своей маленькой сводной сестричкой Кэрис.

В это утро Хелен отправила Кэтлин письмо с просьбой приехать, потому что мистеру Уинтерборну надлежало явиться в контору по неотложным делам.

В доме повисла какая-то ненормальная тишина, когда Пандора приблизилась к кабинету Девона. Косые лучи послеобеденного солнца вливались сквозь окна с частыми переплетами, высвечивая резьбу на дубовых панелях.

Девон встал, когда она вошла в комнату.

– У меня есть новости. – Он показал ей на кресло возле письменного стола. – Так как это имеет отношение к лорду Сент-Винсенту, я решил сначала сообщить об этом тебе.

При звуках этого имени, сердце Пандоры замерло, а потом застучало с удвоенной силой. Опустившись в кресло, она сложила руки на коленях.

– Что за новости? Он отозвал свое предложение?

– Напротив. – Девон сел и повернулся к ней. – Сент-Винсент прислал приглашение всем нам посетить их семейное поместье в Суссексе. Мы пробудем там неделю. Это позволит двум семьям...

– Нет! – подскочила девушка. – Я против.

Озадаченно нахмурившись, Девон рассматривал кузину.

– Это прекрасная возможность познакомиться с ними поближе...

Именно этого Пандора боялась. Герцог и герцогиня Кингстон и все их изысканное потомство будут свысока смотреть на нее. Их презрение скроет лишь тончайший слой учтивости. Каждый вопрос, который они зададут ей, станет проверкой, а каждая ошибка, которую она допустит, отмечена и отложена, чтобы напомнить о ней в будущем.

В волнении Пандора прошлась по комнате, юбки взлетали в воздух, поднимая пылинки и заставляя их мерцать созвездиями в солнечных лучах. Каждый раз, когда она проходила

мимо письменного стола, установленного на массивных тумбах, края бумаг трепетали в знак протеста.

– К тому времени, когда они покончат со мной, я буду как выжатый лимон, выпотрошенной, словно форель, готовая для жарки.

– Зачем им дурно с тобой обходиться, если они приглашают тебя в качестве гостыи?

– Затем, что они станут запугивать меня, чтобы я отказала лорду Сент-Винсенту: тогда ему не придется отзываться предложение...

– Они всего лишь хотят познакомиться, – продолжал уговаривать ее Девон, отчего ей хотелось взорваться. – И ничего более.

Пандора резко остановилась, сердце билось словно птица в клетке.

– Кэтлин знает об этом?

– Пока нет, но она согласится – этот визит необходим. Дело в том, что мы не можем показаться в свете без того, чтобы на нас не набросились с расспросами о тебе и Сент-Винсенте. Прошлой ночью мы с Кэтлин договорились, что нужно уехать из города, пока ситуация не разрешится.

– Тогда я вернусь в прайорат Эверсби. Не в Суссекс. Вы можете заставить меня сесть в карету, но даже тогда...

– Пандора, подойди сюда. И не упрямясь. Мне нужно поговорить с тобой. – Девон решительно указал на кресло. – Сейчас же.

Это был первый раз, когда кузен заявил на нее свое право в качестве главы семейства. Пандора еще не поняла, как ей отнестись к этому. И хотя она изначально отвергала всяческие проявления властности, Девон всегда был с ней справедлив, никогда не давал повода не доверять ему. Пандора нехотя подчинилась, усевшись в кресло, и вцепилась в деревянные подлокотники так, что костяшки пальцев побелели. В левом ухе начался ненавистный звон. Она прикрыла ухо ладонью и несколько раз легко постучала кончиками пальцев за ухом. Иногда это помогало избавиться от назойливого звука. К счастью, помогло и сейчас.

Наклонившись вперед, Девон пристально посмотрел на нее. У двоюродных брата и сестры были глаза одного цвета – сине-черные.

– Мне кажется, я понимаю, чего ты боишься, – начал он. – Отчасти по крайней мере. Но думаю, ты не понимаешь моих подходов. Ты лишилась отца и старшего брата, а с ними – элементарной защиты. Все, что у тебя есть, это я. И я не собираюсь принуждать тебя выходить за Сент-Винсента. На самом деле, если даже тебе захочется выйти замуж, я могу не согласиться на брак.

Пандора недоверчиво посмотрела на кузена.

– Леди Бервик сказала, что выбора нет. Если я не выйду за него, единственный вариант для меня – это броситься в жерло ближайшего действующего вулкана. Это где?

– В Исландии. А единственная возможность выйти за Сент-Винсента – это убедить меня, что ты предпочитаешь лорда вулкану.

– Но моя репутация...

– С женщиной может случиться кое-что пострашнее, чем потеря репутации.

С удивлением глядя на кузена, Пандора почувствовала, что начинает успокаиваться. Ей стало понятно, что он на ее стороне. Любой другой мужчина в его положении не задумываясь принудил бы ее к браку.

– Ты – член моей семьи, – невозмутимо продолжал Девон. – И будь я проклят, если передам тебя в руки незнакомого человека, не убедившись в твоём будущем благополучии. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы ты не повторила ошибки, которую допустила Кэтлин, когда выходила за твоего брата.

Пораженная, Пандора сидела молча. Чувствительный момент, связанный с Тео, редко обсуждался в семье Рейвенел.

– Кэтлин ничего не знала о нем до их свадьбы, – сказал Девон. – Это только потом обнаружилось, чему он на самом деле отдавал предпочтение. Твой брат имел слабость к выпивке, и когда набирался, становился жестоким. Бывало, что его насильно выдворяли из клуба и каких-то других публичных мест. Для его друзей это не было тайной, как и в тех кругах, где он вращался.

– Как унижительно, – с пылающим лицом пробормотала Пандора.

– Да. Но Тео тщательно скрывал свои пагубные наклонности, когда ухаживал за Кэтлин. Если лорд и леди Бервик знали о слухах вокруг него – а я не поверю, что они не слышали хоть что-нибудь из того, – они никогда не обсуждали эту тему с Кэтлин. – Девон выглядел мрачным. – А ведь должны были бы, дьявол их побери!

– Тогда почему они молчали?

– Многие верят в то, что брак меняет характер мужчины. Это абсолютная чушь, конечно. Ничья любовь не заставит леопарда скинуть пятна со шкуры. – Девон помолчал. – Если бы Тео не умер, то окончательно превратил бы жизнь Кэтлин в ад. Я не хочу отдавать тебя на милость жестокого мужа.

– Но если я не выйду за него, скандал станет проблемой для любого из нас, и прежде всего для Кассандры.

– Пандора, милая, ты думаешь, что мы все сможем построить свое благополучие на твоём несчастье? Уэст или я – мы просто прикончим мерзавца, если таковым окажется Сен-Винсент.

Испытывая благодарность, Пандора почувствовала, что у нее защипало глаза. Как странно – отец и старший брат уже покинули этот свет, а она только сейчас ощутила себя частью большой семьи.

– Я не думаю, что лорд Сент-Винсент будет распускать руки, – сказала Пандора. – Он больше похож на человека, который может вести себя холодно и отстраненно. Что тоже по своему мучительно, но я справлюсь.

– Прежде чем принять решение, мы попытаемся узнать как можно больше о том, что за человек лорд Сент-Винсент.

– За одну неделю? – с сомнением спросила она.

– Согласен, это не много, – признал Девон, – но можно достаточно узнать о человеке, наблюдая, как он ведет себя в своей семье. Я также постараюсь навести о нем справки. Кстати с ним знаком Уинтерборн. Они оба заседают в правлении компании, которая производит какое-то гидравлическое оборудование.

Пандора даже представить не могла, что эти двое: сын бакалейщика из Уэльса и сын герцога, – оказываются, общаются друг с другом.

– Он нравится мистеру Уинтерборну? – осмелилась она задать вопрос.

– Похоже, да. Он говорит, что Сент-Винсент интеллигентный, практичный и не заносчивый человек. Для Уинтерборна это высокая оценка.

– Мистер Уинтерборн и Хелен поедут с нами в Херонс-Пойнт? – с надеждой спросила Пандора. Она чувствовала бы себя лучше, если бы вся семья была рядом.

– Слишком рано после родов, – мягко заметил Девон. – Хелен нужно восстановиться полностью, прежде чем куда-то ехать. Более того, я буду настаивать, чтобы леди Бервик ни в коем случае не сопровождала нас в Херонс-Пойнт. Не хочу, чтобы за тобой усиленно следили. Мне нужно, чтобы у тебя появилась возможность пообщаться с Сент-Винсентом наедине.

Пандора пришла в изумление. Она не могла даже предположить, что Девон, который всегда рьяно защищал интересы семьи, скажет такое.

Кузен явно испытывал неловкость, когда продолжил:

– Я знаю, как руководят ухаживаниями, которые считаются приличными. Кэтлин не было позволено провести и минуты наедине с Тео, пока они не поженились. Результат оказался при-
скорбным. Чтоб мне провалиться, если я знаю, как еще может женщина оценить потенциал-

ного мужа, если только не поговорит с ним лично хотя бы несколько раз. Так что поедem в Херонс-Пойнт на недельку и будем рассматривать поездку как исследовательскую экспедицию.

– А что, если лорд Сент-Винсент проявит себя не с лучшей стороны?

– Тогда ты не выйдешь за него.

– И что будет с семьей?

– Позволь мне самому об этом побеспокоиться, – отрезал Девон. – На данный момент все, что тебе нужно сделать, это познакомиться с Сент-Винсентом. И если ты решишь, что не хочешь за него замуж – по любой причине, – значит, не пойдешь.

Они встали. Пандора шагнула к Девону, обняла и прижалась лицом к груди кузена, удивив его, да и себя тоже. Она редко с кем позволяла физические контакты.

– Спасибо, – сказала Пандора приглушенно. – Я поняла главное – мои чувства важны для тебя.

– Конечно, важны, милая. – Успокаивая кузину, Девон прижал ее к себе, а потом, отстранив, поймал ее взгляд. – Тебе известно, какой девиз выгравирован на гербе Рейвенелов?

– «Loyalty nous lie».

– Знаешь, как это переводится?

– «Никогда нас не зли»? – решила пошутить Пандора и была вознаграждена, когда кузен расхохотался. – Вообще-то знаю. Это означает: «Верность нас связывает».

– Правильно, – подтвердил Девон. – Что бы ни случилось, мы, Рейвенелы, всегда остаемся преданными друг другу и никогда не принесем в жертву ни одного из нас ради чего бы то ни было.

Глава 5

Устроившись на полу в верхней гостиной Рейвенел-хауса, Пандора причесывала пару черных спаниелей, которые жили в семье уже десять лет. Жозефина послушно сидела, пока Пандора разбирала мягкие завитки шерсти на ее болтающихся ушах. Наполеон растянулся рядом, положив голову на пол между лапами.

– Ты готова? – Через порог переступила Кассандра. – Нам нельзя опаздывать на поезд. О, ради бога, не делай этого, будешь вся в собачьей шерсти! Ты должна прилично выглядеть перед герцогом и герцогиней. И перед лордом Сент-Винсентом, конечно.

– Зачем так беспокоиться? – Пандора поднялась на ноги. – Я уже знаю, что они подумают на мой счет, – сказала она, но замерла на месте, пока Кассандра хлопотала вокруг нее, встряхивая юбки, чтобы избавиться от черной шерсти.

– Ты им понравишься... – Хлоп! – ...если только... – Хлоп! Хлоп! – будешь мило держать себя с ними.

На Пандоре было дорожное платье из тончайшей ярко-зеленой шерсти с жакетом до талии и кружевным воротником а-ля Медичи, прямо стоявшим сзади, а спереди спускавшимся до баски. Это был элегантный и стильный ансамбль, который дополняла маленькая, украшенная перьями бархатная изумрудная шляпка в тон кушаку. Кассандра была одета более просто – в бледно-голубое платье и шляпку цвета сапфира.

– Я буду мила, насколько смогу, – пообещала Пандора. – Но ты помнишь случай с гусыней в Эверсби, когда она решила устроить свое гнездо на территории лебедей? Она решила, что достаточно похожа на них, чтобы на нее не обратили внимания. Только шея у нее была слишком короткой, ноги слишком длинными, а перья немного не той расцветки, поэтому лебеди постоянно нападали на нее, гонялись за ней, пока ее не отселили.

– Ты не гусыня.

Губы Пандоры дернулись в горькой усмешке.

– Но и не лебедь.

Вздыхнув, Кассандра привлекла сестру к себе.

– Ты не должна выходить замуж за Сент-Винсента ради меня, – сказала она в сотый раз.

Пандора положила голову на плечо близняшки.

– Я не смогу жить дальше, если буду знать, что ты пострадала из-за моей ошибки.

– Я не пострадала.

– Если я превращусь в парию, то ни один приличный джентльмен не сделает тебе предложение.

– Даже если и так, я все равно буду счастливой, – твердо сказала Кассандра.

– Нет, не будешь. Тебе в один прекрасный день захочется выйти замуж, свить гнездо, родить детей. – Пандора вздохнула. – Лучше, если бы ты стала женой лорда Сент-Винсента. Вы бы прекрасно подошли друг другу.

– Лорд Сент-Винсент даже не взглянул на меня во второй раз. А с тебя глаз не спускал.

– Глаз, полных ужаса!

– Мне кажется, ты сгущаешь краски, – возразила Кассандра. – Он просто пытался разобраться в ситуации. – Ее легкие пальцы пригладили волосы Пандоры. – Говорят, что он самый завидный жених. В прошлом году леди Бервик подталкивала его к тому, чтобы он проявил интерес к Долли, но все безрезультатно.

Поправляя прическу Пандоре, рука Кассандры приблизилась к ее уху. Непроизвольно вздрогнув, Пандора отпрянула. Некоторые области вокруг уха и внутри его были болезненно чувствительны.

– Откуда ты знаешь? Долли никогда даже не упоминала об этом.

– Кто же будет распространяться о собственном фиаско! На то есть масса желающих. В бальном зале.

– Почему ты ничего не рассказала раньше?

– Думала, что тебе будет неинтересно, мы ведь никогда не встречались с лордом Сент-Винсентом, а ты говорила, что слышать ничего не хочешь о перспективных холостяках...

– Но сейчас хочу. Расскажи мне все, что знаешь о нем.

Оглянувшись на открытую дверь, Кассандра понизила голос:

– Ходят слухи, что у него есть любовница.

Пандора посмотрела на сестру широко открытыми глазами:

– Кто-то рассказал тебе об этом в бальном зале? Во время танца?

– Не открыто, шепотом. О чем, ты думаешь, люди шепчутся во время танцев?

– О погоде.

– О погоде не шепчутся. Говорят шепотом только тогда, когда хотят рассказать тебе какую-нибудь сплетню.

Пандора огорчилась при мысли, что пропустила так много интересного во время всех этих идиотских мероприятий.

– Кто его любовница?

– Никто ее не называл.

Скрестив руки на груди, Пандора кисло заметила:

– Могу поспорить, у него сифилис.

Кассандра недоуменно глянула на нее.

– Что?

– Уверена, – мрачно добавила Пандора. – Он ведь развратник, в конце концов. Это как в песне.

Застонав, Кассандра замотала головой, поняв, какую песню имела в виду сестра. Как-то раз они услышали несколько строчек из баллады, которую пел один из конюхов (баллада называлась «Несчастный развратник»), что веселило его компанию. В стихах, полных сквернословия, говорилось о гибели развратника от неназванной болезни, которую тот подхватил, переспав с женщиной дурной репутации.

Потом Пандора и Кассандра упростили Уэста объяснить, что это за таинственная болезнь. Тот упирался, но в конце концов рассказал им про сифилис. Не про оспу или птичий грипп, а об особом заболевании, которое поражает мужчин и женщин, неразборчивых в знакомствах. Кто-то в результате сходит с ума, у кого-то отваливается нос. Некоторые называют это французской болезнью, другие – английской. Уэст попросил их не повторять это название вслух, иначе Кэтлин оторвет ему голову.

– Уверена, что у лорда Сент-Винсента нет сифилиса, – заявила Кассандра. – Прошлым вечером я обратила внимание, что нос у него удивительно красивый.

– Он подхватит заразу на днях, – мрачно настаивала Пандора. – Если еще не сподобился. А потом передаст ее мне.

– Ты драматизируешь. И не все развратники жертвуют носом.

– Я спрошу у него, болеет он или нет.

– Пандора, не надо! Лорд будет в ужасе.

– Я тоже буду в ужасе, если у меня в конце концов отвалится нос.

Пока Рейвенелы ехали в отдельном купе первого класса на линии Лондон – Брайтон – Южное побережье, нервы у Пандоры натягивались все сильнее. Если бы только поезд направился в каком-нибудь другом направлении, а не в Херонс-Пойнт...

Пандора все никак не могла решить, что ее больше беспокоит: то, как она будет держать себя с Шоллонами, или то, как они встретят ее. Безусловно, лорд Сент-Винсент зол на нее за ситуацию, в которую она его втравила, хотя с ее стороны это была чистая случайность.

Господи, как она устала создавать всем проблемы, а потом еще терзаться чувством вины по этому поводу! С настоящей минуты она будет вести себя как уважаемая, приличная леди. Люди станут удивляться ее сдержанности и достоинству, а, возможно, даже немного встревожатся: «С Пандорой все в порядке? Она теперь такая смиренная». Леди Бервик будет сиять от гордости и советовать другим девушкам брать пример с Пандоры, которая так благо-разумно себя ведет.

Сидя у окна, Пандора смотрела на проплывавшие мимо пейзажи и время от времени бросала взгляды на Кэтлин, которая, занимая место напротив, держала на коленях маленького Уильяма. Несмотря на то что они взяли с собой няню, Кэтлин практически не спускала младенца с рук. Темноволосый малыш играл с катушками на веревочке, исследовал их размеры и строение, тащил их в рот и сосредоточенно грыз. Девон устроился рядом с сыном, положив руку на спинку дивана.

Кассандра занялась вязанием башмачков из цветного гаруса, а Пандора порылась у себя в сумке и вытащила дневник – тяжелую тетрадь в кожаном переплете. На линованных страницах дневника были размещены вырезки, наброски, засушенные цветы, использованные билеты, почтовые открытки и всякая всячина, которая привлекла внимание Пандоры. Примерно половину тетради занимали описания идей и зарисовки новых настольных игр. Дневник был обмотан шнурком, на котором висел механический серебряный карандаш.

Размотав шнурок, Пандора открыла дневник на чистой странице ближе к концу, покрутила нижнюю половинку карандаша, чтобы наружу вылез кончик свинцового стержня, и начала писать:

«ПУТЕШЕСТВИЕ В ХЕРОНС-ПОЙНТ, ИЛИ НАДВИГАЮЩАЯСЯ БРАЧНАЯ КАТАСТРОФА ЛЕДИ ПАНДОРЫ РЕЙВЕНЕЛ

Факты и наблюдения

1. Если люди считают тебя опозоренной, это то же самое, что быть опозоренной на самом деле, за единственным исключением – ты можешь ничего не знать об этом.
2. Когда твоя репутация разрушена, есть только два варианта: смерть или замужество.
3. Так как я безнадежно здорова, первый вариант маловероятен.
4. В то же время ритуальное принесение себя в жертву в Исландии нельзя исключить полностью.
5. Леди Бервик советует замужество и говорит, что лорд Сент-Винсент «соответствует всем требованиям». Учитывая, что один раз она точно так же оценила жеребца-производителя, которого они с лордом Бервиком купили для своей конюшни, не удивлюсь, что наша дама заглядывала Сент-Винсенту в зубы.
6. Ходят слухи, что у лорда Сент-Винсента есть любовница.
7. При слове «любовница» на ум сразу приходят два слова – «ошибка» и «матрас».

– Мы въехали в Суссекс, – сообщила Кассандра. – Здесь даже красивее, чем описывается в путеводителе.

В книжном киоске на станции она купила «Популярные советы путешественникам в Херонс-Пойнт» и в первый час поездки заставила всех выслушивать чтение отрывков из этой книжки.

Известный как «территория здоровья», Суссекс был самым солнечным регионом в Англии, с самой чистой водой, бьющей из глубоких родников в меловых породах. В соответствии с путеводителем, графство располагалось в пятидесяти милях от побережья. Туристы толпами приезжали в городок Херонс-Пойнт из-за благодатного воздуха и возможностей поправить здоровье, купаясь в море и принимая ванны в горячих источниках.

В путеводителе давалась высокая оценка герцогу Кингстону, который, несомненно, имел отношение к возведению барьера в море, чтобы остановить береговую эрозию, а также построил гостиницу, эспланаду для прогулок и общественный, длиной тысяча футов, мол, который давал укрытие прогулочным катерам, рыбацким лодкам и его собственной яхте.

«8. В местном путеводителе нет ни одного неблагоприятного высказывания о Херонс-Пойнте. Это, должно быть, самый лучший город во Вселенной.

9. Либо автор пытается подлизаться к Шоллонам, которые владеют половиной Суссекса.

10. Господи, они становятся несносными!»

Пандора выглянула из окна вагона. Ее внимание привлекли стаи скворцов, которые синхронными движениями пересекали небо. Как вода распадается на отдельные капли, так массы птиц делились на стаи, потом соединялись вновь, чтобы продолжить полет в едином, похожем на ленту потоке.

Громяхая и звеня, поезд продолжал свой путь. Пассажиры любовались видами очаровательных деревушек, городков с уютными домиками, живописными церквушками, ярко-зелеными полями, мягко очерченными холмами, покрытыми пурпурным ковром из цветущего вереска. Небо было ясное и спокойное, на нем виднелось несколько пушистых облаков, которые, казалось, только что постирали и вывесили на просушку.

«11. Суссекс полон живописных ландшафтов.

12. Любоваться природой – жутко скучно».

Поезд подъезжал к станции. Они миновали водонапорную башню, несколько лавок, почтовое отделение, склады, хранилище для молочных и других продуктов, которые держали на холоде в ожидании отправки.

– А вон и поместье Шоллонов, – пробормотала Кассандра.

Проследив за ее взглядом, Пандора заметила вдали на холме за мысом белый особняк, выходящий окнами на океан: величественный мраморный дворец, который населяли чопорные аристократы.

Поезд подошел к станции и остановился. Воздух, такой жаркий, что в нем стоял запах металла, был полон звона колоколов, голосов стрелочников и путевых рабочих; гремели открываемые двери, по платформе носильщики катили свои тележки. Когда семейство Рейвенелов выгрузилось из вагона, их встретил средних лет мужчина весьма приятной наружности. Представившись мистером Кутбертом, управляющим поместьем герцога, он принялся деловито распоряжаться носильщиками и лакеями, которые собирали багаж, включая очаровательную, сплетенную из ивовых прутьев детскую коляску Уильяма.

– Мистер Кутберт, – обратилась Кэтлин к управляющему, который вел их под сводчатым навесом на другую сторону вокзала. – Здесь всегда так жарко в это время года?

Кутберт промокнул испарину на лбу белоснежным носовым платком.

– Нет, миледи, теперь не по сезону высокая температура даже для Херонс-Пойнта. Обычно после сухого периода с континента приходит ветер южного направления и охлаждает воздух на побережье. Более того, мыс, – указал он в сторону крутого утеса, выдававшегося в океан, – помогает поддерживать в городе уникальный климат.

Рейвенелы вместе со свитой из слуг проследовали к привокзальной башне с часами, где в ожидании стояли экипажи. Герцог прислал три блестящие на солнце черные кареты, внутреннее убранство которых поражало изысканностью: сиденья были обтянуты мягкой марокканской кожей цвета слоновой кости и отделаны розовым деревом. Усевшись в первую карету, Пандора сразу же обследовала встроенный в стенку неглубокий ящичек, разбитый на несколько отделений. Специальное гнездо в дверце занимал зонт, сбоку от откидного подлокотника оказался прямоугольный кожаный ящик, где лежал бинокль – не такой, как крохотные штучки, которыми дамы пользуются в опере, а настоящий, сильный, полевой.

Пандора виновато посмотрела на мистера Кутберта, когда он подошел к открытой дверце кареты и застал ее с биноклем в руках.

– Извините... – начала она.

– Я как раз хотел обратить ваше внимание, миледи, на этот оптический прибор. – Управляющий ничуть не рассердился. – Океан можно увидеть с любой точки дороги. Этот бинокль в алюминиевом корпусе – последняя модель. Он намного легче бронзового. Вы сможете отчетливо разглядеть в него все на расстоянии до четырех миль. Можете понаблюдать за морскими птицами и даже за стадами морских свиней.

Пандора тут же поднесла прибор к глазам. Любоваться природой – наискучнейшее занятие, но заниматься этим с помощью технических приспособлений было намного веселее.

– Его можно настроить под глаза, если повернуть колесико в центре, – с улыбкой посоветовал мистер Кутберт. – Лорд Сент-Винсент подумал, что вам эта вещь понравится.

Картинка в окулярах расплылась и стала мутно-розовой, когда Пандора направила бинокль на лицо управляющего.

– Его положили специально для меня?

– Конечно, миледи.

Когда управляющий отошел, Пандора нахмурилась и передала бинокль Кассандре.

– Почему Сент-Винсент подумал, что меня заинтересует эта штука? Он решил, что меня нужно отвлекать диковинами, как малыша Уильяма катушками на веревочке?

– Это просто проявление заботы, – мягко заметила Кассандра.

Прежней Пандоре очень понравилось бы глазеть в бинокль по дороге к особняку. А вот новая, полная достоинства, уважения к себе, приличная Пандора будет развлекать себя собственными раздумьями: мыслями, свойственными настоящей леди.

О чем, интересно, пристало размышлять леди? О чем-то вроде благотворительности, о посещении арендаторов, о рецептах бланманже – да, леди всегда угощают гостей бланманже. А вообще, что такое – «бланманже»? У него нет ни запаха, ни цвета. В лучшем случае это всего лишь скромный пудинг. Останется ли он таковым, если его украсить чем-нибудь? Ягодами, например, или ломтиком лимона...

Поняв, что ни до чего не додумалась, Пандора вернулась к разговору с Кассандрой.

– Дело в том, – сказала она сестре, – что мне не нужны игрушки для отвлечения внимания.

В это время Кассандра смотрела в бинокль, выставив его в открытое окно.

– Я вижу бабочку, которая перелетает дорогу, – поразились она. – И так ясно, словно она сидит у меня на пальце.

Пандора выпрямилась на сиденье.

– Дай взглянуть.

Усмехнувшись, Кассандра ловко отодвинула бинокль, чтобы сестра не забрала его:

– Я думала, он тебе не нужен.

– Теперь нужен. Дай сюда.

– Я еще не закончила. – Со сводившим с ума упрямством Кассандра минут пять отказывалась вернуть бинокль, пока Пандора не пообещала продать ее пиратам в рабство.

К тому времени, когда она получила бинокль назад, карета начала долгий, неспешный подъем на холм. Пандоре удалось проследить полет чайки, увидеть, как рыбацкая лодка огибает мыс, и как заяц прячется в кустах можжевельника. Тут с океана в открытое окно кареты влетел прохладный бриз, который принес моментальное облегчение от жары. Пот скапливался и шекотал ее под корсетом, а легкая шерсть дорожного платья натирала кожу до зуда. Было скучно и жарко. Она наконец вернула бинокль в кожаный ящик.

– Прямо как летом. – Пандора промокнула лоб длинным рукавом платья. – К тому времени, когда приедем, я буду красная, как вареная ветчина.

– Я уже. – Кассандра обмахивалась путеводителем, будто веером.

– Мы почти доехали. – Кэтлин уложила спящего, разгоряченного Уильяма себе на плечо. – Когда окажемся в доме, сразу переоденемся во что-нибудь легкое.

Она заботливо посмотрела на Пандору.

– Постарайся не нервничать, дорогая. Ты прекрасно проведешь время.

– Ты говорила мне то же самое, провожая на бал к Човортам.

– Я такое говорила? – улыбнулась Кэтлин. – Ну, наверное, я не всегда бываю права. – И мягко добавила после паузы: – Понимаю, что тебе было бы спокойнее и уютнее оставаться дома, дорогая. Но я рада, что ты согласилась на поездку.

Пандора кивнула в ответ и недовольно поежилась, поправляя рукава платья, которые прилипали к влажной коже.

– Люди вроде меня стараются избегать новых впечатлений, – сказала она, – потому что добром это никогда не кончается.

– Не говори так! – запротестовала Кассандра.

В разговор вступил Девон. Его голос звучал примирительно.

– Каждый совершает ошибки, Пандора. Не кори себя. Вы с Кассандрой начали с неудач после того, как слишком долго воспитывались в полной изоляции. Но вы обе быстро учитесь. – Улыбнувшись Кэтлин, он добавил: – Могу на основе личного опыта подтвердить, что небольшие ошибки – это часть учебного процесса.

Когда карета въехала в главные ворота, стал виден особняк. В противоположность ожиданиям Пандоры, он не производил впечатления холодного и величественного. Это было двухэтажное изящное строение, уютно вписавшееся в окружающую природу. Его классические линии смягчались обильно разросшейся ивой, ажурная зелень которой гармонировала с кремовой штукатуркой фасада, а штамбовые розы смыкались в арку при входе во внутренний дворик. Два крыла здания охватывали лужайку перед ним. Невдалеке, на склоне дремал темный лес, укрывшись одеялом из солнечного света.

Внимание Пандоры привлек мужчина, который быстро шел в направлении особняка. На плечах у него сидел мальчишка, а второй, постарше, рыжеволосый, бежал рядом. Должно быть, это арендатор с двумя сыновьями. Странно было только то, что арендатор так смело шагает через главную лужайку перед домом.

На нем были брюки, тонкая сорочка с открытым воротом, ни шляпы, ни галстука. Он двигался со свободным изяществом человека, привыкшего большую часть жизни проводить на свежем воздухе. И явно был хорошо сложен: простая одежда почти не скрывала линий его худощавого сильного тела. Он нес мальчишку так легко, словно тот ничего не весил.

Кассандра придвинулась ближе, чтобы смотреть в окно рядом с Пандорой, и спросила:

– Это фермер?

– Думаю, да: одет он именно так. Не может же это быть...

Пандора замолчала, когда карета двинулась по широкой дуге подъездной дороги, и дала возможность увидеть все в деталях. Волосы у мужчины были того самого цвета, который она видела лишь однажды: темного золота весовой монеты. Внутри у нее все напряглось, словно она приготовилась играть в детскую игру на выбывание.

Арендатор оказался у входного портика одновременно с остановившейся каретой. Кучер что-то сказал ему, и Пандора услышала, как тот ответил спокойным низким баритоном.

Это был лорд Сент-Винсент.

Глава 6

Легко сняв с плеча мальчишку и поставив его на землю, лорд Сент-Винсент открыл дверцу кареты со стороны Пандоры. Яркое полуденное солнце золотило совершенные черты лица, зажигало бриллиантовые россыпи в его золотисто-бронзовых волосах. Ей сразу же захотелось записать в своем дневнике:

«13. Лорд Сент-Винсент предстал перед нами в лучах собственного гало».

В этом человеке всего было слишком много. Внешней привлекательности, богатства, породы и крепкого здоровья.

«14. Некоторые люди являются живым подтверждением несправедливости Вселенной».

– Добро пожаловать в Херонс-Пойнт, – поприветствовал лорд Сент-Винсент. Его взгляд обошел всю группу. – Примите мои извинения. Мы ходили на берег, чтобы опробовать новую модель воздушного змея, которую соорудил мой младший брат. Это заняло несколько больше времени, чем мы рассчитывали. Я собирался подойти как раз к вашему приезду.

– Все в порядке, – бодро заверила его Кэтлин.

– Главный вопрос, – заговорил Девон. – Как прошел запуск змея?

Рыжеволосый подросток подошел к дверце кареты и уныло поднял охапку длинных дощечек, скрепленных между собой кусками красной ткани и леской, чтобы Девон смог разглядеть.

– Развалился в середине полета, сэр. Я придумаю и сделаю новую модификацию.

– Это мой брат, лорд Майкл, – объяснил Сент-Винсент. – Мы зовем его по второму имени – Иво.

Иво был симпатичным мальчишкой десяти-одиннадцати лет, с темно-рыжими волосами, небесно-голубыми глазами и обаятельной улыбкой. Он неуклюже поклонился, как это получается у тех, кто неожиданно для себя быстро вырос и еще не научился управляться с новой длиной ног и рук.

– А я? – потребовал к себе внимания босоногий малыш, который стоял с другого бока Сент-Винсента. Это был крепенький темноволосый, с розовыми щеками мальчик не старше четырех лет, как и Иво, одетый в тунику для купания, заправленную в короткие штанишки.

Губы у лорда Сент-Винсента дернулись в улыбке, когда он посмотрел на нетерпеливого малыша и произнес:

– А ты – мой племянник.

– Я знаю! – запальчиво воскликнул ребенок. – Полагаю, надо сказать об этом им.

С абсолютно непроницаемым лицом лорд Сент-Винсент обратился к Рейвенелам:

– Позвольте представить: мой племянник Джастин, лорд Клэр.

Из кареты послышался хор приветствий. Дверца на другой стороне распахнулась, и Рейвенелы начали спускаться на землю. Им помогала пара лакеев.

Пандора слегка вздрогнула, когда натолкнулась на загадочный взгляд лорда Сент-Винсента. Его глаза лучились и сияли словно звезды.

Не говоря ни слова, он подал ей руку. Задохнувшись, почувствовав себя неуклюжей, Пандора попыталась на ощупь найти свои перчатки, но они куда-то запропастились вместе с саквояжем. Лакей помогал Кэтлин и Кассандре выйти из кареты с другой стороны. Вновь обернувшись к лорду Сент-Винсенту, она неохотно подала ему руку и спустилась из кареты на землю.

Он оказался даже выше, чем ей запомнился, крупнее и шире в плечах. Когда она видела его последний раз, Сент-Винсент был затянут во фрак – белое с черным. Лощеный и совершенный даже в мелочах, сейчас, повергнув ее в шок, он предстал перед ней практически раздетым – без сюртука и шляпы, в сорочке с расстегнутым воротом. Волосы у него были в беспорядке, стриженные пряди, потемневшие от пота, клином спускались на шею. Ноздрей коснулся приятный аромат солнца и лесных зарослей, который она запомнила с первого раза. Теперь к нему добавился солоноватый запах морского бриза.

На подъездной дорожке возникло оживление – это слуги высыпали из карет, а лакеи начали выгружать багаж. Краем глаза Пандора увидела, что ее семья проследовала в дом, однако лорд Сент-Винсент, судя по всему, не торопился.

– Простите меня, – тихо сказал он, внимательно глядя на гостью. – Я собирался ждать вас здесь, прилично одетым. Мне не хотелось бы, чтобы вы подумали, будто ваш визит неважен для меня.

– О, пустое, – неуклюже ответила Пандора. – Я и не ожидала фанфар. Не обязательно было встречать нас у порога, и не обязательно вообще быть одетым... в смысле прилично. – Все, что слетало с ее языка, звучало по-идиотски. – Я имела в виду одежду, конечно. – Побагровев, она наклонила голову и тихо выругалась: – Вот дьявол!

И услышала его тихий смех, от которого потные руки покрылись гусиной кожей.

В разговор встрял Иво. Мальчишка явно раскисался:

– Это моя вина. Мне нужно было собрать все куски змея.

– Почему же он развалился? – заинтересовалась Пандора.

– Клей не выдержал.

Узнав много чего о составе разных клеев, пока разрабатывала модель своей настольной игры, Пандора приготовилась спросить мальчика, каким именно клеем он пользовался, но не успела: вмешался Джастин.

– Это и моя вина тоже. Я потерял башмаки, и нам пришлось искать их.

Совершенно очарованная, она села на корточки, чтобы их лица оказались на одном уровне. Юбки куполом опустились на пыльную дорожку из гравия.

– Не нашел? – Пандора с сочувствием посмотрела на босые ноги малыша.

Джастин покачал головой и издал тяжелый вздох.

– Мама будет расстроена.

– Как ты думаешь, что случилось?

– Я оставил их на песке, а они исчезли.

– Может, их стащил осьминог, – предположила Пандора и тут же пожалела о своих словах.

Это замечание можно было расценить как эксцентричное, и леди Бервик осудила бы ее, однако лорд Сент-Винсент откликнулся, задумчиво нахмурившись, как будто речь шла о чем-то весьма серьезном:

– Если это был осьминог, то он не остановится, пока не заполучит восемь башмаков.

Пандора невольно улыбнулась.

– Но у меня нет столько, – запротестовал Джастин. – Что нужно сделать, чтобы остановить его?

– Можно было бы придумать средство отпугивания, – предложила Пандора.

– Какое?

– Ну, – начала Пандора, – не сомневаюсь, что нам потребуется... ой!

Она так и не закончила свою мысль, потому что ее напугало существо, выбежавшее из-за кареты. Пандора успела разглядеть болтающиеся уши и карие глаза, прежде чем на нее прыгнула жизнерадостная собака, и повалила с корточек. Девушка со всего размаха приземлилась на пятую точку, а ее шляпка от удара очутилась на земле. Прическа рассыпалась, волосы упали

на лицо. В это время молодой, коричневой масти и в черных пятнах ретривер прыгал вокруг нее как заводной. На своем ухе Пандора почувствовала его жаркое дыхание, а на щеке – прикосновение влажного языка.

– Аякс, фу! – крикнул Иво.

Пандора пришла в смятение, но лишь на несколько секунд. Ну конечно, подумала она обреченно, это должно было случиться! Разумеется, ей надлежит знакомиться с герцогом и герцогиней, усевшись на подъездную дорожку, будто она нелепый клоун на ярмарке. Это было так ужасно, что она тихо захихикала. А пес продолжал тыкаться в нее мордой.

В следующий момент Пандору подняли, поставили на ноги. Из-за резкого движения она лишилась равновесия, голова у нее закружилась, и девушка склонилась к Сент-Винсенту. Тот осторожно прижал ее к себе, приобняв одной рукой за плечи.

– Сидеть, идиот! – скомандовал Сент-Винсент.

Пес подчинился, задыхаясь от возбуждения.

– Он, должно быть, выскочил через парадную дверь, – предположил Иво.

Сент-Винсент, убрав волосы с лица Пандоры и окинув ее быстрым взглядом, спросил:

– Вы ушиблись?

– Нет... Нет. – Она продолжала беспомощно хихикать, но нервное напряжение спадало. Пытаясь заглушить смешки, девушка уткнулась ему в плечо. – Я... Я так старалась вести себя как леди...

Он коротко рассмеялся и, успокаивая, провел рукой по ее спине круговыми движениями.

– Могу представить, насколько это нелегко – вести себя как леди, когда на вас набрасывается собака.

– Милорд, – донесся встревоженный голос одного из лакеев. – Молодая леди не поранилась?

Пандора не слышала ответа Сент-Винсента: пульс отбивал барабанную дробь в ушах. Его близость, рука, поглаживающая ее... Все вместе, видимо, разбудило что-то скрытое в ней, глубоко скрытое, что еще ни разу не давало о себе знать. Странное новое удовольствие растеклось внутри, кончики нервных окончаний зажглись огоньками, как маленькие свечечки на именинном торте. Ее взгляд упал на сорочку Сент-Винсента. Тонкий слой ткани не мог скрыть твердости развитых мускулов. Увидев рыжевато-коричневые завитки волос в расстегнутом вороте, Пандора покраснела и смущенно отвела глаза.

Пригладив рукой волосы, она растерянно сказала:

– Моя шляпка... – Повернувшись, поискала ее глазами и увидела, что Аякс уже нашел маленький бархатный предмет с соблазнительным пучком перьев. Зажимая добычу в пасти, пес игриво мотал головой.

– Аякс, ко мне! – тут же приказал Сент-Винсент, но непослушный ретривер скакал и прыгал, оставаясь в недосягаемости.

Иво начал медленно подбираться к собаке.

– Аякс, дай сюда, – принялся уговаривать он. – Отдай, мальчик... – Пес развернулся и помчался прочь. – Я верну шляпку, – пообещал Иво и побежал за псом.

– Я тоже! – последовал за ними Джастин, быстро перебирая короткими ножками. – Но он все обслунывит, – предупредил малыш, обернувшись.

Покачивая головой, лорд Сент-Винсент наблюдал, как ретривер несется через лужайку.

– Я должен вам новый головной убор, – сказал он Пандоре. – От этого останутся одни клочья.

– Не важно. Аякс еще щенок.

– У него это врожденное, – ровно заметил Габриель. – Аякс не умеет искать, не подчиняется командам, пытается рыть норы в коврах и, насколько я понимаю, не способен ходить по прямой линии.

Пандора усмехнулась и призналась:

– Я сама редко хожу по прямой. Слишком легко отвлекаюсь, чтобы держаться одной цели. Все время меняю направление: то туда, то сюда, – наверное, боюсь что-то пропустить. Поэтому стоит мне направиться в какое-то новое место, как я оказываюсь в исходной точке.

Лорд Сент-Винсент повернулся к ней лицом, его холодные голубые глаза смотрели напряженно и пытливо.

– Куда вы хотите двигаться?

Вопрос заставил ее захлопать глазами от неожиданности. Она только что сморозила какую-то глупость, на которую никто не обратил бы внимания.

– Это неважно, – прозаично заметила Пандора. – Так как я хожу кругами, то никогда не достигаю цели.

Его взгляд задержался на ее лице.

– Можно постепенно увеличивать диаметр кругов.

Замечание было пронизательным и шутливым одновременно, словно он уловил суть ее проблемы. Или, может, он просто пошутил над странной гостьей.

Пустые кареты уехали, повозка для багажа тоже. Провожая гостью ко входу в дом, лорд Сент-Винсент поинтересовался:

– Как прошла поездка?

– Со мной можно не вести вежливых разговоров, – просто сказала Пандора. – Я в них не сильна.

Подойдя к портику, Габриель и Пандора остановились в его тени рядом с благоухающим кустом роз. Словно случайно, он оперся плечом о колонну и с ленивой улыбкой на лице, спросил:

– Разве леди Бервик не учила вас вести такие разговоры?

– Пыталась. Но я ненавижу беседовать о погоде. Кому интересно, сколько градусов на улице? Мне хочется говорить о других вещах, как, например... например...

– Да? – подбодрил он, видя ее колебания.

– Например, о теории Дарвина. Об избирательных правах женщин. О состоянии рабочих домов. О войне. Или зачем мы живем. Или о том, верите ли вы в спиритизм, или существует ли такая музыка, которая заставляет вас плакать, или – есть ли такие овощи, которые вы ненавидите. – Пандора пожалала плечами и подняла на него глаза, ожидая увидеть застывшее лицо человека, готового бежать от нее на край света. Вместо этого обнаружила, что он не отрываясь смотрит на нее. Тишина, казалась, обняла их.

Несколько секунд спустя, лорд Сент-Винсент тихо произнес:

– Морковь.

Ошеломленная, Пандора попыталась собраться:

– Это самый ненавистный для вас овощ? Вы имеете в виду вареную морковь?

– В любом виде.

– Из всех овощей? – Когда Сент-Винсент кивнул, она не успокоилась: – А как насчет морковного торта?

– Также.

– Но ведь это торт.

Он сверкнул улыбкой:

– Но все равно морковный.

Пандора уже захотела заспорить о преимуществах моркови над другими по-настоящему противными овощами, такими как брюссельская капуста, например, но их разговор прервал мягкий мужской голос.

– А, вот вы где. Меня отправили на поиски.

Пандора обернулась и увидела, что к ним приближается высокий мужчина, двигавшийся с кошачьей грацией. Она сразу поняла, что это, должно быть, отец лорда Сент-Винсента – внешнее сходство было поразительным. Его загорелое лицо слегка тронуло время, вокруг голубых улыбочивых глаз собрались мелкие морщинки. Густые рыжевато-золотистые волосы красиво серебрились на висках. Наслышанная о его репутации бывшего либертина, Пандора ожидала увидеть перед собой постаревшего повесу с вульгарными чертами лица и плотоядным взглядом... но не этого роскошного мужчину, который с такой элегантностью нес себя.

– Сын мой, о чем ты думаешь, удерживая столь очаровательное создание на полуденной жаре? И почему одежда дамы в беспорядке? Здесь что, произошел несчастный случай?

– На нее напали и сбили с ног, – начал объяснять лорд Сент-Винсент.

– Ты ведь пока не знаешь леди достаточно близко, чтобы совершить такое.

– На нее напала собака, – ядовито уточнил Сент-Винсент. – Почему ты не воспитываешь пса?

– Потому что его воспитывает Иво, – последовало в ответ.

Лорд Сент-Винсент демонстративно посмотрел вдаль, где рыжеволосый подросток гонялся по лужайке за резвым псом.

– Как мне кажется, это пес дрессирует Иво.

Усмехнувшись, герцог наклонил голову, признав правоту сына. Его внимание вновь вернулось к Пандоре.

Отчаянно пытаясь вспомнить о хороших манерах, она присела в реверансе и пробормотала:

– Ваша светлость!

Морщинки вокруг его улыбающихся глаз стали глубже.

– Кажется, вас пора спасать. Почему бы вам не пройти со мной в дом, подальше от этого никчемного человека? Герцогиня страстно желает с вами познакомиться. – Увидев, что основательно напуганная Пандора заколебалась, он заверил ее: – Мне можно полностью доверять, я почти ангел. Вы очень скоро убедитесь в этом.

– Проявите осторожность, – насмешливо посоветовал гостье лорд Сент-Винсент, застегивая ворот сорочки. – Мой отец самый настоящий Крысолов из Гаммельна по части доверчивых женщин.

– Это неправда, – заявил герцог. – За мной точно так же следуют и недоверчивые женщины.

Пандора не выдержала и засмеялась. Она посмотрела в эти серебристо-голубые глаза, которые светились юмором. В том, как он держался, было что-то обнадеживающее.

Когда они с Кассандрой были детьми, в их воображении часто возникал образ красивого отца, который любит их, готов дать совет, балует... правда, совсем немного. Отец, который ставит их себе на носки туфель, чтобы потанцевать с ними. Этот человек очень походил на того, кого Пандора видела в мечтах.

Она двинулась вперед, опираясь на предложенную им руку.

– Как прошла поездка, моя дорогая? – спросил герцог, вводя ее в дом.

Прежде чем Пандора успела ответить, услышала за спиной голос лорда Сент-Винсента.

– Леди Пандора не любит светских формальностей, отец. Она предпочитает обсуждать темы, связанные с теорией Дарвина или избирательным правом женщин.

– Вполне естественно, что молодая интеллигентная женщина хотела бы пропустить болтовню ни о чем. – Взгляд герцога, который он послал ей, был полон одобрения. Пандора просияла. – Однако, – продолжил он задумчиво, – большинству людей требуется, чтобы их подвели к ощущению безопасности, прежде чем они осмелятся поделиться своим мнением с новым знакомым. У всего есть свое начало, между прочим. В каждой опере имеется увертюра, у каж-

дого сонета – начальный катрен. Вежливый разговор ни о чем – это всего лишь способ помочь незнакомцу довериться вам, сразу найти что-то, на чем вы можете сойтись.

– Еще никто не объяснял мне это так убедительно, – удивилась Пандора. – Вы правы. Но почему непременно нужно говорить о погоде? Разве нет другой темы, на которой можно сойтись? Ложки с тремя зубцами, например. Всем они нравятся, я не права? Или о времени вечернего чая, или о кормлении уток.

– Или о синих чернилах, – добавил герцог. – А также о кошачьем мурлыканье, о летних штормах... хотя, как я полагаю, это возвращает нас к разговору о погоде.

– С вами я поговорила бы и о погоде, ваша светлость, – бесхитростно сообщила Пандора.

Герцог мягко рассмеялся:

– Какая восхитительная девочка!

Они вошли в главный холл, полный воздуха и света, украшенный лепниной, с полами из полированного дуба. Подпираемая колоннами парадная лестница вела на второй этаж, широкие перила так и тянули проехаться по ним. Здесь пахло пчелиным воском, свежестью и белыми гардениями, которые стояли в вазах на высоких подставках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.